Санкт-Петербургская православная духовная академия
Архив журнала «Христианское чтение»

Свящ. А.Н. Кудрявцев

Рождение человека по древним религиозным славяно-русским воззрениям

Опубликовано:
Христианское чтение. 1881. № 1-2. С. 3-52.

© Сканирование и создание электронного варианта:
Санкт-Петербургская православная духовная академия (www.spbda.ru), 2010. Материал распространяется на основе некоммерческой лицензии Creative Commons 3.0 с указанием авторства без возможности изменений.

Издательство СПбПДА
Санкт-Петербург
2010

Печатать дозволяется. 23-го декабря 1880 г. Заслуженный профессоръ с.-петербургской духовной академіи *Андрей Предтеченскій*.

Рожденіе человѣка по древнимъ религіознымъ славяно-русскимъ воззрѣніямъ.

Рожденіе человѣка есть такой важный въ жизни человѣка актъ, что даже теперь, когда намъ свѣтятъ и свѣтъ христіанскаго ученія и свѣтъ науки, онъ останавливаетъ на себѣ наше вниманіе, а прежде, когда не было ни того, ни другаго, онъ приводилъ человѣка въ изумленіе. Особенно поразительнымъ для него было то неравенство, какое проявляется какъ во внѣшнихъ, такъ и внутреннихъ дарованіяхъ человѣка. Отчего, думалъ онъ, одинъ бываетъ и даровитымъ, и красивымъ и сильнымъ, а другой ни тѣмъ, ни другимъ, ни третьимъ? Отчего, далѣе, иной и хорошъ и пригожъ, но не бываетъ счастливъ? Само собою понятно, что всѣ такіе вопросы не были оставлены имъ безъ посильнаго отвѣта, и вотъ составился такимъ образомъ у всѣхъ языческихъ народовъ, а въ томъ числѣ и у славянъ, цѣлый рядъ различныхъ по большей части религіозныхъ воззрѣній, а вмѣстѣ съ ними и цѣлый рядъ различныхъ обрядовъ и обычаевъ. Хотя эти обряды и обычаи существуютъ теперь только въ самомъ ограниченномъ видѣ, тѣмъ не менѣе они болѣе чѣмъ всякіе другіе даютъ знать о себѣ. Это потому, что, относясь къ одному изъ сокровеннѣйшихъ актовъ семейной жизни, они не обратились, какъ другіе, напримѣръ свадебные, въ шутку и забаву, а сохранили до сихъ поръ и свое значеніе и свое вліяніе. Поэтому они болѣе чѣмъ всякіе другіе требуютъ какъ собиранія, такъ и выясненія ихъ настоящаго смысла. Желая удовлетворить посильно такой потребности, мы намѣрены I, представить ихъ такъ, какъ они есть, потомъ II, сопоставивъ ихъ съ другими

дошедшими до насъ памятниками древности, опредѣлить, какія вѣрованія имѣли преимущественное вліяніе на ихъ происхожденіе, какое мѣсто занимали они въ древней языческой религіи и наконецъ III, указать, какъ они въ связи съ этими вѣрованіями отразились въ сознаніи и жизни народовъ славянскихъ.

I.

Такъ какъ въ дѣлѣ рожденія для славянина важно было не только собственно рожденіе, но и все то время, которое начиналось беременностію и кончалось торжественнымъ привѣтствіемъ рожденнаго со стороны родныхъ и знакомыхъ, то говоря объ обрядахъ и обычаяхъ, къ нему относящихся, мы должны сказать: а) о беременности, б) о родахъ и в) о крестинахъ.

а) *Беременность*. Сдѣлавшись беременною, славянка сперва скрываетъ свое положеніе, а потомъ, когда скрывать становится труднымъ, объявляетъ объ немъ по секрету или матери или старшей въ семьѣ. Хотя со времени такого объявленія ей и оказывается нѣкоторое вниманіе, но это вниманіе высказывается нестолько въ освобожденіи отъ трудныхъ занятій, сколько въ удовлетвореніи ея желаній въ отношеніи къ пищѣ. Признавая, что всѣ такія желанія не суть ея желанія, а желанія покровительствующаго ей въ это время божества, славянинъ думаетъ, что неисполненіе таковыхъ было бы дѣломъ грѣховнымъ, такимъ, за которое можно подвергнуться наказанію. Такъ въ юго-западномъ краѣ думаютъ, что оно наказывается или порчею одежды мышами или пораженіемъ тѣла чирьями [1]). Но особенно сама беременная должна быть къ себѣ внимательна. Какъ стоящая подъ вліяніемъ всего, съ чѣмъ соприкасается, оно должна одно, какъ вредное, удалять, а другое, какъ полезное, приближать. Хотя понятія о полезномъ и вредномъ и бываютъ своеобразны, тѣмъ не менѣе въ нихъ можно уловить нѣкоторую общую черту. Все что некрасиво, что страдаетъ какимъ

[1]) Чубинскій, Труды этнографическо-статистической экспед. т. IV, стр. 2.

либо физическимъ или нравственнымъ недостаткомъ, что сопровождается вредомъ, что клонится къ нарушенію богопочтенія, должно быть, какъ вредное, устраняемо, а все красивое, честное, богоугодное, должно быть, какъ полезное, приближаемо. Такъ въ юго-западномъ краѣ полезнымъ считается избѣгать взгляда некрасивыхъ: потому что и ребенокъ можетъ быть также некрасивымъ: не касаться кошки, свиньи и собаки: потому что ребенокъ можетъ держаться криво; не шить, не рубить въ праздникъ: потому что чрезъ это можетъ быть поврежденъ у ребенка какой либо членъ; не красть: потому что можетъ быть на немъ знакъ украденнаго; не ѣсть рыбы и не слушать крикъ закалаемыхъ животныхъ: потому что при употребленіи рыбы ребенокъ долго не будетъ говорить, а при слушаніи крика закалаемыхъ животныхъ ребенокъ не будетъ ночи спать. На томъ же самомъ основаніи признается возможнымъ предусмотрѣть заранѣе какъ духовныя свойства ребенка, такъ и судьбу его. Такъ въ юго-западномъ краѣ вѣрятъ, что если первое движеніе ребенка бываетъ въ новолуніе и притомъ ночью, то ребенокъ будетъ лицомъ моложавъ, а нрава будетъ тихаго; если беременная особенно желаетъ меда и соленой рыбы, то ребенокъ жить не будетъ, а если напротивъ желаетъ свѣжей рыбы и яблококъ, то жить будетъ долго [1]). И такихъ примѣтъ существуетъ безчисленное множество.

§ 6 б) *Роды.* Главное дѣйствующее при родахъ лицо есть повивальная бабка, или сокращенно: баба, повитуха. Она пользуется въ народѣ большимъ почетомъ. Приглашеніе ея въ домъ повсюду сопровождается поднесеніемъ ей хлѣба или пирога, точно также и сама она приходитъ не иначе, какъ съ хлѣбомъ. По обычаямъ существующимъ въ юго-западномъ краѣ, она отнюдь не должна быть изъ числа родственницъ; это на томъ, какъ говорится тамъ, основаніи, что „баби сужені, а кумы люблені“ [2]). Первою заботой повивальной бабки, по прибытіи ея въ домъ, бываетъ то, чтобы облегчить роды. Считая, что главная причина трудности родовъ

[1]) Чубинскій, Труды этнографическо-статистич. экспедиціи, т. IV, стр. 2.
[2]) Тамъ же.

есть такъ называемый глазъ и колдовство, она немедленно старается принять противъ того и другаго свои мѣры. Для предохраненія отъ глаза, она завѣшиваетъ постель родильницы всевозможными занавѣсами, а для предохраненія отъ колдовства кладетъ въ постель или бѣлый лукъ, какъ у сербовъ [1]), или, какъ въ юго-западномъ краѣ, василекъ, цыбрикъ и еще такъ называемую трійцю или три свѣчи слѣпленныхъ вмѣстѣ [2]). Когда мѣры предохраняющаго свойства бываютъ приняты, бабка начинаетъ принимать мѣры болѣе положительнаго свойства. Прежде всего сюда относятся мѣры, которыя могутъ быть названы акушерскими. Онѣ до того бываютъ иногда гибельны, что нужно удивляться, какъ бѣдныя женщины остаются послѣ того живы. Что, напримѣръ, можетъ быть гибельнѣе такого пріема, какъ встряхиваніе беременной вверхъ ногами [3])? Особенно многочисленны бываютъ онѣ въ томъ случаѣ, если роды становятся трудными. За мѣрами акушерскими, или на ряду съ ними, слѣдуютъ мѣры религіозныя. Все, что носитъ на себѣ ту или другую замкнутость, должно быть открыто. Коса на родильницѣ должна быть расплетена; всѣ замки должны быть отперты, всѣ двери открыты. Напротивъ все, чѣмъ выражается то или другое разрѣшеніе, выставляется на видъ. Такъ сербы стрѣляютъ при этомъ изъ ружей и переводятъ родильницу чрезъ обручъ соскочившій съ кадки [4]). Но особенно полезнымъ считается, если открытіе простирается не только на домъ, а и на церковный храмъ. *Здѣсь причина тѣхъ просьбъ объ открытіи царскихъ вратъ, съ какими повсемѣстно въ Россіи, иногда въ ночное время, являются къ священникамъ.* Помимо открытія царскихъ вратъ, одни просятъ ключи, которыми отпирается церковь, а другіе поясъ, которымъ опоясывается священникъ во время богослуженія. Эти послѣдніе предметы кладутся на животъ родильницы [5]). На ряду съ этимъ, поставленнымъ въ нѣ-

---

[1]) Живот срба сељака. Милићевић, стр. 32.

[2]) Труды этнографич.-статистич. экспед. Чубинскаго, т. IV, стр. 5.

[3]) Тамъ же, стр. 3.

[4]) Гласн. Срп. Друж. 1867 г. кн. V.

[5]) Труды этнографическо-статист. экспед. Чубинскаго, т. IV, стр. 4.

которую связь съ церковію, обычаемъ существуетъ по мѣстамъ, именно въ юго-западномъ краѣ, другой, который имѣетъ уже совершенно языческій характеръ. Беременную обводятъ три раза вокругъ стола, на каждомъ углу котораго посыпано по ложкѣ мелкой соли. При совершеніи этого обхожденія беременная ѣстъ отъ каждой соляной кучки, а бабы произносятъ слѣдующій заговоръ: „отъ червоноі крові, отъ жовтоі кости, отъ тонкого волоса, отъ хорошаго голоса, нехай отходятъ всі злиі мислі и напасті, щобъ не вредили ні голові, ни череву, ні животу; щобъ Св. Петро зъ Павломъ, якъ по свиті ходили и все лихо бачили, то щобъ одвернули всі болі, всі колькі, всі недуги на тую пору, въ которую я прийшла и хочу принести полічъ на удивленіе всёму міру и на потіху родителямъ“ [1]). По совершеніи родовъ, бабка, принявъ младенца, прежде всего творитъ надъ нимъ крестное знаменіе. Въ юго-западномъ краѣ говорятъ при этомъ такъ: „Во имя Отца и Сына,—аминь; и святаго Духа, аминь; нині и прісно, и во віки віковъ, амінь“ [2]). Такъ какъ участь ребенка разсматривается уже значительно опредѣлившеюся, то на всякое движеніе его, на всякую особенность обращается самое строгое вниманіе. Особенно большое въ этомъ случаѣ значеніе дается сорочкѣ или той плевѣ, въ которой родится человѣкъ. Самымъ счастливымъ признается тотъ, на комъ сорочка эта при рожденіи остается въ совершенной цѣлости. За нимъ слѣдуетъ тотъ, кто родится въ чепцѣ. Всѣ такія сорочки бережно сохраняются иногда отдѣльно, а иногда при самомъ обладателѣ ея въ такъ называемыхъ ладонкахъ или мѣшочкахъ, куда зашивается ладонъ. Помимо сорочки обращается вниманіе на день и часъ, въ который человѣкъ родился, на положеніе при рожденіи, на состояніе волосъ и т. п. По всему этому славянинъ судитъ о смерти и жизни, о счастіи и несчастіи, о богатствѣ и бѣдности. Изслѣдовавши предъопредѣленное, славянинъ начинаетъ и самъ въ свою очередь принимать мѣры, которыя могли бы благодѣтельно вліять на новорожденнаго.

---

[1]) Труды этнографическо-статистич. экспедиц. Чубинскаго, т. IV, стр. 3.
[2]) Тамъ же, стр. 4.

Онѣ употребляются имъ и въ способѣ обрѣзыванія пуповины, и въ способѣ приготовленія первой ванны, и въ способѣ перваго пеленанія, словомъ во всемъ, что имѣетъ отношеніе къ ребенку. Обрѣзываніе и завязываніе пуповины считается актомъ въ высшей степени важнымъ. Съ нимъ связывается, по вѣрованію славянина, вся будущая судьба ребенка. На этомъ основаніи иначе обрѣзывается пуповина у мальчика и иначе у дѣвочки. У мальчика, обрѣзывается она на топорѣ или вообще на какомъ нибудь инструментѣ, чтобы былъ, какъ говорятъ въ юго-западномъ краѣ, „майстровый“, а у дѣвочекъ—на гребнѣ, чтобы была пряха [1]). Еще яснѣе сказывается указанная мысль при завязываніи пупа. Вотъ что говорится при этомъ бабкою въ томъ же юго-западномъ краѣ: „Баба тобі пупъ въяже, а Господь нехай дае щастя, и здоровья и викъ довгий и розумъ добрий изъ отцовоі молитви, изъ материноі и бабиноі“ [2]). Тоже значеніе, только въ меньшей мѣрѣ, усвояется первому купанью и первому пеленанью. Ванна, въ которой купаютъ ребенка, въ однихъ мѣстахъ, какъ въ юго-западномъ краѣ [3]), перевязывается коноплями съ сѣменемъ, а въ другихъ, какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Сербіи, наполняется водою съ зернами. Тамъ же, гдѣ этого нѣтъ, какъ бываетъ это въ великороссійскихъ губерніяхъ и у словаковъ, въ нее кладутъ деньги [4]). Какъ при купаньи употребляются зерна и деньги, такъ и при пеленаньи—съ тою же цѣлію—хлѣбъ и соль [5]). Выкупавши и спеленавши, у чеховъ кладутъ младенца сперва подъ столъ, на которомъ лежитъ початый хлѣбъ, потомъ на руки къ отцу, который его благословляетъ, а затѣмъ къ порогу, только отнюдь не ногами, какъ выносятъ покойника, а или головой или бокомъ [6]). Не безразлично относятся и къ первому кормленью. Оно должно

---

[1]) Чубинскій, т. IV, стр. 5.

[2]) Тамъ же, стр. 6.

[3]) Тамъ же.

[4]) Бытъ курскихъ крестьянъ. Этнографич. сборн. вып. 5, стр. 20. Obrazy ze života slovenskeho. Bož. Němcove Časop. Mus. 1859 svazek čvrtv s. 504. Болгарскій народенъ Сборникъ, Чолакова, 1872 г., стр. 2.

[5]) Bož. Nemcova.

[6]) Тамъ же.

непремѣнно начаться правою грудью: потому что иначе ребенокъ будетъ все дѣлать лѣвой рукой. Столько же, сколько забота о счастіи новорожденнаго, занимаетъ славянина забота объ огражденіи его отъ вліянія нечистой силы. Для устраненія такого вліянія принимаются разныя мѣры. Самымъ дѣйствительнымъ средствомъ признается обставленіе постельки новорожденнаго острыми предметами, каковы: ножи, вилки, топоры и т. п. Такой обычай встрѣчается у болгаръ [1]), у сербовъ [2]) и у русскихъ въ юго-западномъ краѣ [3]). За нимъ слѣдуетъ употребленіе бѣлаго лука. Оно встрѣчается у всѣхъ южныхъ славянъ и отчасти у западныхъ. У насъ въ юго-западномъ краѣ, на ряду съ острыми предметами, ставятъ еще святую воду и не дозволяютъ, чтобы ребенокъ лежалъ за плечами матери [4]). Когда всѣ мѣры предосторожности противъ глаза и волшебства бываютъ приняты, сокрытіе родильницы признается излишнимъ и домъ открывается для посѣтительницъ. Таковыми бываютъ повсюду всѣ родныя и знакомыя женщины. Не побывать у родильницы считается дѣломъ неприличнымъ. Являясь для посѣщенія, женщины приносятъ разные подарки, каковыми бываютъ или вообще съѣдобные предметы, или лакомства, но главнымъ образомъ пирогъ или вообще хлѣбъ съ солью [5]). Въ великорусскихъ губерніяхъ приношенія носятъ спеціальное названіе приношеній „на зубокъ“.

в) *Крестины.* Время между рожденіемъ и крещеніемъ не бываетъ у славянъ продолжительнымъ. Руководясь тѣмъ воззрѣніемъ, что некрещенный младенецъ легко можетъ подвергнуться вліянію нечистой силы, они стараются какъ можно скорѣе совершить надъ нимъ святое крещеніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ въ Славоніи и у насъ въ юго-западномъ краѣ, сюда присоединяется и то еще воззрѣніе, что крещеніе младенца должно совершиться нато-

---

[1]) Чолаковъ, стр. 2.

[2]) Живот срба сельака.

[3]) Чубинскій, стр. 6.

[4]) Чубинскій, Труды эти.-стат. эксп. стр. 6.

[5]) Бытъ крестьянъ тверской губерніи. Этнографичес. сборн., вып. 1, стр. 184. Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ, Этнографич. сборн., вып. 2-ой, стр. 150.

щакъ [1]) для него, т. е. до кормленія грудью, а оставлять долго безъ пищи нельзя. Поэтому въ нѣкоторыхъ мѣстахъ крестятъ въ тотъ же день. Тамъ, гдѣ крещеніе не совершается такъ скоро по рожденіи, крещенію предшествуетъ молитва и нарѣченіе имени младенцу. Въ губерніяхъ великороссійскихъ эта молитва читается священникомъ, какъ и слѣдуетъ, въ домѣ самой родильницы, а въ южно-русскомъ краѣ у себя на дому. За ней приходитъ въ такомъ случаѣ бабка, иногда съ младенцемъ, а иногда безъ младенца. Поднося священнику въ даръ хлѣбъ и деньги, она обращается къ нему съ слѣдующими словами: „Кланяюсь и хлѣбомъ и виномъ, и сыномъ новорожденцемъ“. Священникъ, прочитавши молитву, покропивши святой водой и нарекши имя, поздравляетъ бабку съ семьяниномъ такимъ-то. Какъ предъ отправленіемъ къ священнику, такъ и по возвращеніи отъ него бабка угощается водкою [2]). Нарѣкая имена, священники рѣдко гдѣ руководятся тѣмъ древнимъ обычаемъ, по которому имя младенца опредѣлялось днемъ его крещенія, но по большей части или желаніемъ родственниковъ, или своими соображеніями. Тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто первый случай, принимается во вниманіе то простота произношенія, то благозвучіе, то уваженіе къ родственникамъ, а тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто второй случай, принимается во вниманіе близость памяти извѣстнаго святаго. Имена въ честь святыхъ даются только у насъ русскихъ и у всѣхъ тѣхъ славянъ, которые принадлежатъ римско-католическому и протестантскому вѣроисповѣданію; что же касается сербовъ и особенно болгаръ, то у нихъ, помимо календарныхъ именъ, бываютъ часто и собственнаго изобрѣтенія. Въ послѣднемъ случаѣ онѣ представляютъ собою или сокращеніе календарныхъ именъ, напримѣръ: Джурко, вмѣсто Георгій, Митро, вмѣсто Димитрій, или переводъ съ греческаго на славянскій, напримѣръ: Божидаръ, вмѣсто Ѳеодоръ, Blag, Blažko, вмѣсто Макарій, Cvětko— вмѣсто Флоріанъ и т. п. [3]), или передѣлку мужскихъ именъ въ

---

[1]) Narodni slavonski obyčaji, Ilič, s. 22, Чубинскій, т. IV, стр. 8.
[2]) Чубинскій, т. IV, стр. 8.
[3]) Ilič, s. 28.

женскія и женскихъ въ мужскія, напримѣръ: Родомиръ ж. Радомирица, Райко — Райковица, или наконецъ подражаніе названіямъ цвѣтовъ, плодовъ, животныхъ, звѣрей и т. п., напримѣръ: Чиреша, Маслина, Славей [1]). Не смотря на обычай изобрѣтенія, кругъ болгарскихъ именъ очень ограниченъ и при томъ древенъ. Это потому, что болгары, давая имена, держатся слѣдующаго порядка: первый сынъ долженъ носить непремѣнно — имя дѣда съ отцовой стороны, второй—имя дѣда съ материной стороны, третій—имя крестнаго отца, четвертый—имя дяди, а за неимѣніемъ таковаго имя—тетки [2]).

При крестинахъ также какъ и при родахъ бываютъ свои главныя дѣйствующія лица. Такими лицами являются здѣсь воспріемники при крещеніи: крестный отецъ и крестная мать или кумъ и кума. Хотя обычай имѣть при крещеніи воспріемниковъ и принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ христіанскихъ обычаевъ, тѣмъ не менѣе и на него, какъ и на многіе другіе христіанскіе обычаи, положенъ древними языческими вѣрованіями свой отпечатокъ. За исключеніемъ болгаръ, у которыхъ воспріемничество — наслѣдственно [3]), у всѣхъ прочихъ славянъ оно бываетъ дѣломъ свободнаго выбора: „баби сужении, говорится въ юго-западномъ краѣ, а куми *люблении*“ [4]). По большей части оно предоставляется старшимъ родственникамъ; только изрѣдка, въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти у кого либо не живутъ, считается полезнымъ или взять перваго попавшагося на встрѣчу по выходѣ изъ дома [5]), или продать ребенка. Цѣль продажи состоитъ въ томъ, чтобы младенецъ, будучи прикрѣпленъ къ другому, болѣе счастливому семейству, не умиралъ въ дѣтствѣ или жилъ, такъ сказать, на чужой счетъ. Субъектомъ, которому продается дитя, бываетъ обыкновенно старуха, а самый актъ продажи совершается такъ: старуха становится подъ окномъ и ей подаютъ изъ него ребенка. Она прини-

---

[1]) Памятники народнаго быта болгаръ, Коровеловъ, ч. 1, стр. 286.
[2]) Тамъ же, стр. 285.
[3]) Коровеловъ.
[4]) Чубинскій, стр. 9.
[5]) Бытъ русскаго народа, Терещенки, ч. III, стр. 57.

шаетъ его, платитъ за него копѣекъ пять или десять и за тѣмъ зновь возвращаетъ родителямъ съ словами: „живи на мое счастіе“. На деньги, заплаченныя за ребенка, покупаютъ свѣчу и ставятъ предъ иконой [1]). Въ тѣхъ же видахъ, чтобы дѣти жили, не бываетъ въ обычаѣ приглашеніе беременныхъ [2]). Приглашеніе воспріемниковъ совершается по большей части отцомъ рожденнаго, и сопровождается по мѣстамъ нѣкоторыми обрядами. Такъ въ юго-западномъ краѣ отецъ, по прибытіи въ домъ избраннаго, кладетъ на столъ пирогъ, при чемъ произноситъ слѣдующее: „давъ Богъ сина, теперъ не одкажи мені, куме“. Если приглашеніе принимается, пирогъ берется и замѣняется другимъ, съ которымъ и отправляется отецъ домой. Подобнымъ же образомъ совершается приглашеніе и крестной матери. У словаковъ и чеховъ пирогъ, которымъ приглашаютъ кума, называютъ радостникъ (Radostnik) [3]). Отказъ въ воспріемничествѣ рѣдко гдѣ бываетъ: онъ считается цѣломъ не только неприличнымъ, но даже и грѣховнымъ. Отправляясь на крестины, кумъ и кума идутъ не съ пустыми руками. Болѣе обычнымъ бываетъ приношеніе хлѣба. Въ юго-западномъ краѣ, принося хлѣбъ, говорятъ такъ: „магай Бігъ, клоняемось вамъ хлібомъ“ [4]). Помимо хлѣба бываютъ и другіе подарки, состоящіе или изъ холста, или ситца и т. п. Въ среднихъ губерніямъ Россіи послѣдніе подарки носятъ названіе *„ризки“*. Они даются обыкновенно лично родильницѣ. По прибытіи кума и кумы въ домъ, начинается приготовленіе къ отправленію въ церковь или къ священнику. Въ юго-западномъ краѣ оно состоитъ въ томъ, что младенца сперва купаютъ въ водѣ, изъ которой никто не пилъ, потомъ закутываютъ въ разрѣзанную въ трехъ мѣстахъ отцову (если мальчикъ) или материну (если дѣвочка) рубашку и наконецъ при благословеніяхъ со стороны отца и матери торжественно передаютъ куму или кумѣ. Благословляя младенца, отецъ и мать произносятъ тамъ слѣдующее: „Нехай тебе Богъ благословитъ и

---

[1]) Записки Авдѣев. 138. И собствен. наблюденія автора.
[2]) Чубинскій, Труды этногр.-стат. эксп., т. IV, стр. 9.
[3]) Božen nemcova Časop. Mus. 1859 г.
[4]) Чубинскій, стр. 9.

поможе тобі війти въ християнську віру, дай, Боже, щобъ ти росло велике та щастливе було". Когда ребенокъ, по благословеніи отцомъ и матерью, передается бабкою кумѣ, то та тоже высказываетъ свои благословенія: „Занеси, Боже, до хреста святого, позволь Боже во христианську віру ввести. Приведи, Боже, и породіллю до першого здоровья: дай, Боже, щобъ вона его охрестыла и до розуму довела и на весіллі погуляла". Высказавши благожеланіе, она заключаетъ такъ: „Нате вамъ царожене, намъ принесітъ хрещене" [1]). Вмѣстѣ съ ребенкомъ передаются бабкой, въ томъ же юго-западномъ краѣ, куму завязанныя въ узелокъ печина (глина изъ печи) и уголь, каковыя онъ долженъ бываетъ бросить на первомъ попавшемся перекресткѣ. „Якъ дийдешъ до распуття, говоритъ куму бабка, да й кинь черезъ плече и скажи: на тобі, чорте, плату" [2]). При выходѣ изъ дома, тотъ, кто несетъ ребенка, долженъ наступить на порогѣ или на топоръ (если мальчикъ) или на гребень (если дѣвочка), а по обычаю чеховъ и словаковъ—протанцовать [3]). Первое признается необходимымъ для того, чтобы младенецъ былъ впослѣдствіи хорошимъ работникомъ, а послѣднее, чтобы былъ постоянно веселъ. Таже мысль выражается и обычаемъ сербовъ въ Славоніи выходить на встрѣчу идущимъ для крещенія младенца съ хлѣбомъ и солью, а если дѣвочка, то, кромѣ того, съ льномъ, которымъ обтираются уста младенца [4]). Во время совершенія святаго крещенія, какъ и во время рожденія, обращается вниманіе на каждое движеніе ребенка. Такъ, если младенецъ корчится или простирается надъ водою, предполагаютъ, что умретъ, а если чихаетъ—то будетъ жить [5]). При совершеніи постриженія волосъ, эти послѣдніе отдаются воспріемнику, который налѣпивъ ихъ на воскъ бросаетъ въ купель. Нѣкоторые наблюдаютъ при этомъ: тонетъ воскъ или нѣтъ. Если воскъ тонетъ, то предполагаютъ, что младенецъ жить не будетъ, а если плаваетъ—

---

[1]) Чубинскій. Т. IV, стр. 9.
[2]) Тамъ же.
[3]) Bož. nemcova Čas. Mus. 1859.
[4]) Ilič, Narodni Slavonski običayi, s. 21.
[5]) Чубинскій, т. IV, стр. 10. Бытъ курскихъ крестьянъ, Этнограф. Сборн., вып. 5.

то проживетъ долго [1]). Въ случаѣ, если дѣти въ семействѣ не живутъ, то, при возвращеніи изъ церкви или вообще послѣ крещенія, не вносятъ младенца черезъ двери, а передаютъ въ окно и притомъ куму. Передавая бабкѣ или матери ребенка, кумъ, въ соотвѣтствіе сказанному при передачѣ ему, говоритъ, что вотъ ему дали „нарожденнаго“, а онъ возвращаетъ „окрещеннаго“. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ привѣтствіе кума бываетъ нѣсколько пространнѣе: „Поздравляемъ васъ зъ четвергомъ и зъ синомъ Иваномъ. На-жъ, кумо, ваше рожденe, а мое хрещене, не хай великій росте и щастливий буде“ [2]). Тоже привѣтствіе со стороны кума бываетъ и у болгаръ, только у нихъ видоизмѣняется оно такъ: „прѣдадохте ми го еврейче, прѣдавамъ ви го христіянче [3]). Бабка, принявъ ребенка, кладетъ его, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на тулупъ подъ образа, а родители, поблагодаривъ воспріемниковъ, просятъ ихъ пожаловать на крестины.

Празднованіе крестинъ совершается иногда въ самый день совершенія святаго крещенія, а иногда въ одинъ изъ ближайшихъ праздничныхъ дней. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ юго западномъ краѣ, оно разлагается на три отдѣльныхъ празднества; изъ коихъ одно носитъ названіе: крестины, другое—похрестини, а третье—зливки. Но когда бы празднества ни совершались и какъ бы ни совершались, всегда главнымъ дѣйствующимъ лицомъ бываетъ на нихъ бабка. Она приглашаетъ гостей на празднество; она же представляетъ на немъ хозяина и хозяйку. Въ Малороссіи приглашеніе бабкою сопровождается принесеніемъ хлѣба и такъ называемаго узвара (смѣсь яблокъ, грушъ, сливъ, вишень и изюму). Тѣмъ же платятъ и приходящіе на крестины гости. Они приносятъ: кто—хлѣбъ, кто—домашнихъ птицъ, кто—сласти, кто—разные другіе подарки. У чеховъ и словаковъ на крестины мальчика собираются по преимуществу мущины — женатые, а на крестины дѣвочки — женщины [4]). Гостямъ предлагается повсюду

[1]) Терещенко, Бытъ русскаго народа, ч. III, стр. 46. Этнографич. сборн. вып. 1. ст. 184.

[2]) Чубинскій, т. IV, стр. 10.

[3]) Чолаковъ, Българский народенъ сборникъ, стр. 4.

[4]) Božena nemcova.

самое обильное угощеніе, причемъ, по мѣстамъ, наблюдается только, чтобы число кушаньевъ было нечетное: или 3, или 5, или 7 [1]). Но сколько бы кушаньевъ ни было и изъ чего бы они ни состояли, одно непремѣнно требуется, чтобы была между ними каша. Это кушанье играетъ здѣсь самую видную роль. Оно приносится бабкой въ концѣ ужина и предлагается не иначе, какъ послѣ выкупа. Выкупъ совершается различно. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ напримѣръ въ тверской губерніи, онъ совершается отцемъ, который, отобравъ ложки и воткнувъ ихъ въ кашу, кладетъ рядомъ съ блюдомъ ломоть чернаго хлѣба и предлагаетъ желающимъ ѣсть кашу выкупить себѣ ложку [2]). Нѣсколько иначе совершается выкупъ въ западныхъ губерніяхъ. Такъ въ витебской губерніи каша приносится въ двухъ видахъ: одна на ложкѣ для отца, а другая въ покрытой тарелкой мискѣ для гостей. Послѣдняя бываетъ тамъ закрыта до тѣхъ поръ, пока отецъ, попробовавъ своей каши, которая бываетъ на половину съ солью, не положитъ на тарелку денегъ, и пока гости, слѣдуя примѣру отца, не сдѣлаютъ того же самаго, т. е. не дадутъ денегъ. Вотъ послѣ уже всего этого каша открывается и гости, выпивъ за здоровье новорожденнаго и родителей его, начинаютъ ею закусывать [3]). Въ Тверской губерніи дѣти во время ѣды каши, взявши себѣ этой послѣдней въ особую чашку, бѣгутъ съ ней вонъ изъ избы и когда съѣдятъ, приносятъ въ чашкѣ, смотря по полу рожденнаго, или пѣтуха или курицу. Это для того, чтобы рожденное дитя скорѣе начало бѣгать и говорить. Съ тою же цѣлію кумъ и кума должны бываютъ, по окончаніи обѣда, немедленно выбѣжать изъ избы [4]). По окончаніи обѣда всѣ гости расходятся, за исключеніемъ кума и кумы, которые продолжаютъ чествоваться и послѣ, причемъ кумъ и кума, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ знакъ духовнаго родства, цѣлуются и обмѣниваются дарами [5]). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ западныхъ губерній гостямъ даются бабкой такъ называемые квитки или пуѣьки, состоящіе изъ цвѣ-

[1]) Шейнъ, Бѣлоруссія народныя пѣсни, стр. 13.
[2]) Этнографичес. Сборн., вып. 1, стр. 185.
[3]) Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр. 12.
[4]) Этнографическій Сборникъ вып. 1, стр. 235
[5]) Село Ляпицы Тульской губерніи. Этнографическій Сборн., вып. 2-ой, стр. 88.

товъ или колосьевъ, которые признаются какъ противодѣйствіе нечистой силѣ [1]). Если кромѣ крестинъ никакихъ отдѣльныхъ празднествъ не бываетъ, то по окончаніи крестиннаго обѣда совершается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и тотъ замѣчательный обрядъ, который извѣстенъ подъ именемъ размыванія рукъ. Размываніе совершается въ однихъ мѣстахъ родильницею надъ бабкою, въ другихъ, какъ въ губерніи витебской, взаимно, т. е. и родильницей надъ бабкой и бабкой надъ родильницей, а въ третьихъ—одною бабкою. Тамъ, гдѣ имѣетъ мѣсто первый случай, оно совершается такъ: на 2-й или на 3-й день послѣ крестильнаго празднества бабка, наложивъ въ корыто крестообразно калины, гвоздики, овса, любистку, барвинку и вообще всякаго „зілля“, ставитъ его среди хаты и родильница сливаетъ бабкѣ на руки надъ ночвами воду, говоря такъ: „Ти, мені, бабусю, очищала душу, а я тобі очищаю руки“. Бабка отвѣчаетъ на это слѣдующее: „Нехай тебе, внучко, Богъ проститъ гріхами“. Зливаніе повторяется три раза, а затѣмъ родильница, сдѣлавъ три поклона и одаривъ бабку семью пирогами и паміткою (иначе называемый пупець), заключаетъ такъ: „Прости мене, Господи, и ви старі люде“. Ей отвѣчаютъ: „Нехай тебѣ Богъ прощае“. Этой водѣ усвояется большое значеніе. Она сливается въ горшокъ, хранится, и если ребенокъ бываетъ болѣнъ желтухой — изъ нея дѣлаютъ ему ванну [2]). Значительно иначе, впрочемъ только въ отношеніи къ формѣ, совершается размываніе рукъ тамъ, гдѣ оно бываетъ между родильницею и бабкою взаимнымъ. Оно совершается въ такомъ случаѣ въ самый день крестинъ и совершается такъ: бабка, взявъ три вѣтки изъ вѣника, кладетъ ихъ крестообразно на полу и останавливается на нихъ вмѣстѣ съ родильницею правыми ногами. Затѣмъ беретъ чашку съ водой и моетъ вмѣстѣ съ родильницею руки. При умовеніи рукъ они обмѣниваются троекратно слѣдующими словами. „Прости меня грѣшную“, говоритъ одна; „Богъ проститъ“ отвѣчаетъ другая. Вымывши руки, обѣ утираютъ ихъ однимъ поло-

[1]) Чубинскій, Труды Этнографическо-статистической экспедиціи, т. IV, стр. 13.
[2]) Чубинскій. Т. IV, стр. 13.

тенцемъ, причемъ родильница даритъ бабку кускомъ полотна или каленкоромъ, что называется намиткой. Какъ въ первомъ случаѣ водѣ усвояется цѣлительное значеніе, такъ и въ послѣднемъ она тоже имѣетъ какое-то сакраментальное значеніе. Бабка, взявъ вѣтки, на которыхъ стояла съ родильницей, кропитъ этой водой всѣхъ гостей и особенно кумовьевъ [1]). Еще иначе совершается размываніе тамъ, гдѣ оно, какъ въ Малороссіи, совершается одною бабкою. Оно совершается на третій день послѣ совершенія таинства св. крещенія, но совершается исключительно для того, чтобы у родильницы было обильное молоко. Родильница становится для этой цѣли въ корыто, въ которое кладутся топоръ и вѣникъ. Когда родильница станетъ въ корыто такъ, чтобы правая нога касалась лежащихъ въ немъ предметовъ, бабка начинаетъ поливать ей троекратно сперва на правую руку, потомъ на лѣвую, причемъ родильница испрашиваетъ прощенія за понесенныя хлопоты и, подхватывая свободною рукою воду, троекратно пьетъ ее. По окончаніи возливанія бабка мажетъ водой грудь и спину родильницы [2]). Такимъ образомъ и здѣсь, какъ и въ другихъ предъидущихъ случаяхъ, водѣ усвояется цѣлительное значеніе.

Если, помимо крестинъ, бываютъ еще похрестины, то они представляютъ собою не что иное, какъ складчину, устроемую родственниками родильницы, съ цѣлію отблагодарить кумовей и бабку за угощеніе. Поэтому празднество совершается уже гдѣ либо въ корчмѣ, куда торжественно и везутъ кумовей и бабку на какой-либо особенной колесницѣ. Иногда совершается при этомъ и описанный выше обрядъ размыванія, а иногда послѣдній представляетъ предметъ особаго празднества, которое и носитъ, поэтому, названіе „зливокъ“. Столько же замѣчательнымъ, какъ и размываніе рукъ, долженъ быть названъ и тотъ обрядъ, который совершается во время крестинъ въ Славоніи. Тамъ къ концу обѣда,

---

[1]) Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр. 12.

[2]) Домашній бытъ малоросса, Этнографич. Сборн. вып. 1, стр. 351. Взаимное размываніе совершается повсюду и во владимірской губерніи, только не торжественно, а секретно, когда бабка приходитъ въ родильницѣ [illegible] послѣдній разъ.

предъ тѣмъ какъ подавать кашу, бабка выноситъ на подушкѣ младенца и, подавая куму или кумѣ (если мальчикъ — куму, а если дѣвочка—кумѣ) ножницы, предлагаетъ сдѣлать постриженіе. Этотъ обрядъ совершается, по мѣстамъ, и у насъ, только не при крестинахъ, а, какъ въ курской губерніи, чрезъ годъ, причемъ отецъ крестный и гости дарятъ ребенка деньгами или другими предметами [1]).

Размываніемъ рукъ или зливками роль бабки въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не оканчивается. Она должна бываетъ закончить свою дѣятельность загнаніемъ новорожденнаго въ рай. Это загоняніе состоитъ въ слѣдующемъ: зажегши свѣчу передъ образомъ, бабка беретъ родильницу съ младенцемъ на рукахъ за руку и ведетъ вокругъ стола. Всѣ присутствующіе стоятъ и спрашиваютъ: „Куда ти, бабусю, идешь?“ „У рай“—отвѣчаетъ та. „Возьми и насъ“—говорятъ ей. „Идіть“—отвѣчаетъ она. Послѣ этого всѣ садятся вокругъ стола на постланныхъ по лавкамъ полушубкахъ и ньютъ [2]). Тоже самое бываетъ, по мѣстамъ, и въ отношеніи къ кумѣ. Въ курской губерніи она должна бываетъ придти чрезъ шесть недѣль и подпоясать ребенка. Подпоясываніе до этого времени считается грѣхомъ [3]).

Нельзя сказать, чтобы и послѣдующія за крещеніемъ событія въ жизни младенца оставляемы были славяниномъ безъ вниманія. Онъ зорко слѣдитъ за всѣми явленіями развивающейся жизни и каждому изъ нихъ старается дать тотъ же, что и прежде, своеобразный смыслъ. Вотъ сидитъ мать у колыбели ребенка. Какою радостью наполняется ея сердце, когда она видитъ, что личико спящаго ребенка выражаетъ собою улыбку! Она вѣритъ въ такомъ случаѣ, что съ нимъ играютъ въ это время ангелы, и какъ, напротивъ, скорбитъ, если замѣчаетъ, что младенецъ вздрагиваетъ и вскрикиваетъ. Это значитъ по ея представленію, что ангелы го-

---

[1]) Бытъ курскихъ крестьянъ, Этнограф. Сбор. вып. V, стр. 23.

[2]) Чубинскій, Труды Этнографической экспедиціи въ западно-русскій край, т. IV, стр. 16.

[3]) Бытъ крестьянъ курской губерніи, Этнограф. Сбор. вып. 5.

ворятъ ему, будто она умерла и тѣмъ дразнятъ. „Богъ съ тобой, говоритъ мать въ такомъ случаѣ, я здѣсь“. По причинѣ такого своеобразнаго взгляда на вздрагиваніе, и средство отъ него предлагается въ томъ же родѣ. По мнѣнію сербовъ, ребенка нужно въ такомъ случаѣ вынести при закатѣ мѣсяца и, обратившись къ нему, произнести слѣдующее: мѣсяцъ за гору, а моего Марка (или другое имя) вриска, т. е. вскрикиваніе въ гору [1]). Подобнымъ же образомъ лѣчатъ отъ вскрикиванія и у насъ въ Россіи, только обращаются не къ мѣсяцу, какъ въ Сербіи, а къ зарницѣ. Мать ребенка несетъ его въ такомъ случаѣ на зарѣ въ курятникъ и произноситъ слѣдующее: „заря, зарница, красная дѣвица! возьми своего криксу, отдай намъ сонъ“ [2]). Таковы обряды и обычаи, предшествующіе рожденію, сопровождающіе его и послѣдующіе за нимъ.

II.

Если участь ребенка изображается славяниномъ, какъ видѣли мы при описаніи обрядовъ и обычаевъ, заранѣе предъопредѣляемою, если бабка, кумы и кумовья являются лицами, имѣющими особенное значеніе, если крестинное угощеніе отличается многими необъяснимыми обыкновеннымъ гостепріимствомъ особенностями, то необходимо слѣдуетъ предположить, что въ связи съ рожденіемъ человѣка соединяемо было вполнѣ цѣльное, вполнѣ законченное религіозное представленіе. Такъ дѣйствительно и говорятъ о томъ другіе, дошедшіе до насъ, памятники древности. Изъ нихъ узнаемъ мы, что на обычаи при рожденіи человѣка вліяли, во первыхъ, вѣрованія въ покровительствовавшія рожденію божества, во вторыхъ, воззрѣнія на происхожденіе души и тѣла и, въ третьихъ, характеръ чествованія божествъ.

а) *Божества, покровительствовавшія рожденію человѣка.*

---

[1]) Глас срп. др. к. V, 1867.

[2]) Бытъ крестьянъ воронежской губер., Этнограф. Сбор. вып. 1, стр. 218.

Говоря о божествахъ, покровительствовавшихъ рожденію человѣка, памятники древности называютъ одно изъ нихъ Родомъ, а остальныхъ—Рожаницами. Такое указаніе находится во всѣхъ почти церковныхъ словахъ, направленныхъ противъ язычества. Въ однихъ, какъ напримѣръ въ словѣ, приписанномъ Іоанну Златоусту, противъ поставляющихъ трапезу Роду и Рожаницамъ [1]), въ словѣ христолюбца [2]) и друг., объ нихъ говорится только, какъ о такихъ божествахъ, которымъ, на ряду съ другими, воздается поклоненіе и кладется треба, т. е. приносится жертва, а въ другихъ, какъ напримѣръ въ словѣ, приписанномъ святому Григорію, объ нихъ говорится какъ о божествахъ, которымъ воздается особенное почтеніе именно при родильныхъ трапезахъ. „Неченте въ поганьствѣ, говорится здѣсь, даже и доселѣ. проклятаго того ставления. вторыя трапезы родоу и рожаницамъ. на прѣльсть вѣрнымъ хр҃тьяномъ. и на хоулоу ст҃омоу кр҃щению. и на гнѣвъ Бг҃оу по ст҃ѣмъ кр҃щеніи чревоу работни попове оуставиша трепарь прикладати рж҃тва Бц҃и къ рожаничьнѣ тряпезѣ ѿклады дѣюче“ [3]). Что Родомъ называлось божество отдѣльное отъ рожаницъ и при томъ высшее сравнительно съ этими послѣдними, на то указываетъ какъ самая постановка этого имени, всегда отдѣльно и всегда впереди другихъ именъ, такъ равно и то, что Родъ характеризуется памятниками нѣсколько иначе, чѣмъ Рожаницы. Такъ авторъ слова, приписаннаго Григорію Богослову, служеніе Роду сопоставляетъ съ служеніемъ Артемиду, а служеніе Рожаницамъ — съ служеніемъ Артемидѣ, а такъ какъ въ греческой миѳологіи Артемида не существовало, то авторъ, говоря объ Артемидѣ, разумѣетъ подъ

---

[1]) «Работоѫщіи ми възрадуѫтся, говоритъ авторъ отъ имени Бога, въ веслии срд҃ца, вы же работаѫщеи бѣсомь, и служащеи идолом и ставляѫще, трапезоу Родоу и Рожаницам. възопіете въ болезни срд҃ца вашегѡ... Работаѫщіи ми блс҃вѧтсѧ. поють Бг҃ꙋ истинномоу. а вы поете пѣсни бѣсовьскыя идолом. Родоу и Рожаницам». Архивъ историко-юридическ. свѣдѣній, кн. II полов. 1-я, 1855 г., стр. 100 и 101.

[2]) Лѣтопись русской литературы и древности, т. IV: Слова направленныя противъ язычества, стр. 1.

[3]) Лѣтоп. русск. литер. и древности, т. IV. Слова направленныя противъ язычества, Слово 4-ое, стр. 101.

чимъ, по всей вѣроятности, тѣ высшія божества, которыя извѣстны были у грековъ подъ именемъ Зевса и Посейдона и которымъ дѣйствительно, въ соотвѣтствіе съ Артемидой — покровительницей женщинъ, приписывалось названіе „рождающихъ и все-производящихъ“ [1]). Подобная же мысль проглядываетъ въ нѣкоторыхъ древнихъ переводахъ 11 стиха LXV главы пророка Исаіи, гдѣ говорится о служеніи божествамъ Гаду и Мени. Слово Гадъ замѣняется въ нихъ словомъ Родъ, а слово „Мени“ словомъ Рожаница. А такъ какъ, по объясненію знатоковъ еврейской археологіи, Гадъ или Ваалъ Гадъ и Мени были божествами солнца и луны [2]), то Роду усвоялось тоже первенствующее значеніе, какъ и солнцу. Но всего болѣе указываетъ на высокое значеніе Рода слѣдующее мѣсто одной изъ рукописей XV или XVI вѣка. „Вседръжитель, говорится, иже единъ бесмертенъ и непогибающихъ Творецъ, дуну бо ему (человѣку) на лицо духъ жизни, и бысть человѣкъ въ душю живу: то ти не Родъ, Сѣдя на вѣдусѣ, мечеть на землю груды и въ томъ рожаются дѣти... Всѣмъ бо есть Творецъ Богъ, а не Родъ“ [3]). Здѣсь прямо говорится о Родѣ, какъ о божествѣ верховномъ и притомъ такомъ, которое имѣетъ самое близкое отношеніе къ рожденію дѣтей. Что касается народныхъ сказаній, то въ нихъ относительно Рода сохранилось очень немного. Самыми замѣчательными въ этомъ случаѣ нужно признать слѣдующія двѣ пословицы: „Отъ роду не въ воду“ [4]) и „на роду написано“. Изъ нихъ, особенно изъ первой, видно, что Родъ признавался не только божествомъ верховнымъ, но и распорядителемъ жизни человѣка.

Несравненно болѣе свѣденій имѣется относительно Рожаницъ. Сказанія о нихъ сохранились у всѣхъ славянскихъ народовъ и притомъ со многими, не лишенными интереса подробностями. У однихъ изъ славянъ Рожаницы извѣстны подъ тѣми же, какъ и

---

[1]) Архивъ историко-юридич. свѣдѣній, книг. II, пол. 1-ая, 1855 г. Смотр. статью Аѳанасьева: о значеніи Рода и Рожаницъ, стр. 130.

[2]) Смотр. примѣч. въ русск. Библіи къ 11 ст. LXV глав. прор. Исаіи.

[3]) Арх. историко-юридич. свѣд., книга втор., половина первая, предисловіе, стр. XXIII.

[4]) Пословицы Даля 92 о.

у насъ, названіями, а именно: у сербовъ—Родіенице и Роѣенице, у хорутанъ—Рojенице, а у другихъ—подъ иными: у болгаръ онѣ назывались „Орисницами“, у чеховъ и словаковъ: „Судицами“ (Sudice, Sudicke), въ верхней Крайнѣ—чистыми, или бѣлыми дѣвами или женами—„чисте, беле деклице“, или „жене“, въ Западной Каринтіи, именно въ Зельской долинѣ—„Желкиніе“—„желне жене“ отъ глагола „желіети“, т. е. жалѣть, заботиться. Кромѣ того онѣ назывались иногда „живицами“, т. е. дѣвами жизни и „крестницами“, т. е. дѣвами, являвшимися во время Креса—праздника Купалы [1]). Сколько было такихъ богинь, на то опредѣленныхъ указаній нѣтъ. Впрочемъ, принимая во вниманіе, что сродныя Рожаницамъ у другихъ народовъ: Мойры, Парки, Феи и Норны опредѣлялись въ количествѣ трехъ, можно думать, что и количество Рожаницъ опредѣлялось подобнымъ же образомъ [2]). Подтвержденіе тому можно находить и въ нѣкоторыхъ сказаніяхъ. Такъ хорутанцы разсказываютъ, что лишь только родится дитя, немедленно три или двѣ Розеницы входятъ въ избу—Богъ знаетъ откуда и какъ, и опредѣляютъ судьбу младенца [3]). По чешской и хорутанской сказкѣ о Маркѣ богатомъ участь ребенка, имѣвшаго овладѣть богатствомъ Марка, опредѣляется тремя судичками или женами въ бѣломъ одѣяніи, съ свѣчами въ рукахъ [4]). Назначеніе Рожаницъ, какъ показываютъ приведенныя свидѣтельства, состояло въ томъ главнымъ образомъ, чтобы опредѣлять судьбу новорожденнаго. Есть однако нѣсколько указаній, свидѣтельствующихъ, что подъ ихъ же руководствомъ совершались какъ браки, такъ особенно акты рожденія. Въ словѣ, приписанномъ св. Григорію, служеніе Рожаницамъ сопоставлено съ служеніемъ греческой богинѣ Артемидѣ, а Артемида почиталась какъ покровительница женщинъ и брачныхъ союзовъ, какъ разрѣшительница пояса родильницы.

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. II, половина 1-я, 1855 г., стр. 108.

[2]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 356.

[3]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. II, половина 1-я, 1855 г., стр. 107.

[4]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 389.

какъ помощница при родахъ, словомъ какъ повивальная бабка и кормилица [1]). Въ словарѣ Памвы-Берынды рожаница опредѣлена такъ: „матица, породѣля, пороженица“ [2]). Раздѣлены ли были у Рожаницъ обязанности въ отношеніи къ подаянію при родахъ помощи—неизвѣстно, но что онѣ предполагались раздѣленными въ отношеніи къ опредѣленію судьбы человѣка, на то имѣется нѣсколько весьма опредѣленныхъ указаній. По вѣрованію болгаръ, изъ трехъ, являющихся при рожденіи, добрыхъ дѣвъ, первая даетъ младенцу умъ и учитъ его грамотѣ, вторая даетъ здоровье и красоту, третья, руководя имъ въ продолженіи жизни, учитъ ремеслу и доставляетъ случаи разбогатѣть [3]). Но особеннымъ предметомъ обсужденія бываетъ, по народнымъ вѣрованіямъ, характеръ смерти. Оно усвояется этими вѣрованіями всѣмъ тремъ рожаницамъ, хотя и не въ равной степени [4]). Таковы Рожаницы по народнымъ о нихъ сказаніямъ.

Кромѣ указаній на Родъ и Рожаницъ въ народныхъ сказаніяхъ встрѣчаются указанія на Судьбу и Доли. Что Судьба, по сербски Усудъ, изображалась какъ личное божество, на то указываютъ и сказки и пословицы. По сказкамъ какъ русскимъ, такъ и сербскимъ, она изображается въ видѣ старухи, живущей попеременно въ одинъ день среди богатства и довольства, а въ другой среди нищеты и убожества. Всѣ тѣ, которыя рождаются въ день довольства, бываютъ счастливы и богаты, а тѣ, которые рождаются въ день нищеты—несчастливы и бѣдны [5]). Подобнымъ же образомъ изображается судьба и по пословицамъ. И по этимъ послѣднимъ она располагаетъ какъ жизнію вообще, такъ особенно главнѣйшими моментами ея: рожденіемъ, бракомъ и смертію. Вотъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя: „Судьбы не уйдешь, судьбы не объѣдешь“, „Судьба придетъ руки назадъ свяжетъ“, „Такъ рокъ судилъ, рокъ головы ищетъ“, „Родись ни хорошъ, ни пригожъ,

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 319.
[2]) Тамъ же, стр. 320.
[3]) Караѳеловъ, Памятники народн. быта, стр. 171.
[4]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 335.
[5]) Тамъ же, стр. 392.

родись счастливъ", „Суженаго конемъ не объѣдешь" и т. п. [1]). Управляя жизнію людей, Судьба управляетъ чрезъ подчиненныя ей богини, которыя называются у насъ Долей, Счастіемъ, Бѣдой, Лихомъ, Напастью, Горемъ и Нуждой, а у сербовъ — Срећами (Срећа). По малороссійской сказкѣ, живущая въ лѣсу Судьба вопрошаетъ объ участи рождающихся въ извѣстный день таинственнымъ голосомъ, каковой есть, очевидно, голосъ Доли. Такъ и говорится о томъ какъ въ великороссійской передѣлкѣ этой сказки, такъ и въ близкой къ ней сказкѣ сербской о Судьбѣ и двухъ Доляхъ. По каждой изъ этихъ послѣднихъ человѣкъ находится во всю жизнь въ зависимости или отъ злой Доли или отъ доброй, благопопечительной [2]). Подобнымъ же образомъ говорятъ объ этихъ второстепенныхъ божествахъ и пословицы. Вотъ нѣкоторыя наиболѣе характерныя, соотвѣтственно каждому изъ приведенныхъ выше названій. „Моя доля, говоритъ бѣдный поселянинъ, съ чашкой въ полѣ", „Твое счастье—на мосту съ чашкой", „Пришла бѣда—растворяй ворота", „Лиха не шукай—воно само тебе найде", „Лихо его не берець". Относительно горя въ одной изъ пѣсенъ слышимъ слѣдующее:

«Ой ты горе мое, горе сѣрое,
Лычкомъ связанное, подпоясанное!
Ужь и гдѣ ты, горе, ни моталося—
На меня бѣдную навязалося» [3]).

Подобное же слышимъ и относительно Доли:

Ой Доля-жъ, ты Доля,
Доля моя злая!
Чомъ ты не такая,
Якъ Доля чужая.

---

[1]) Пословицы и притчи, изд. Снѣгирева, стр. 278, 387 и 451. Смотри также Архивъ юридич. свѣдѣній, книг. II, половина 1-я, стр. 136.

[2]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 392—416.

[3]) Тамъ же, стр. 396, 397.

Ой колыбъ ты, Доля,
Та вышла бы въ поле:
Тогда бы ты сгадала
Кого забижала! [1])

Подобнымъ же образомъ говорится у сербовъ относительно Сречи: „Тако њему Бог и Срећа даде“ или: „Съ вама дошла свака Срећа и самъ Господ Бог“ [2]). При встрѣчѣ другъ съ другомъ сербы употребляютъ слѣдующее привѣтствіе: „добра ти Срећа“ [3]).

Но если Судьба и Доли изображаются имѣющими такое же, какъ Родъ и Рожаницы, вліяніе на рожденіе человѣка, то возникаетъ вопросъ: какъ смотрѣть на тѣ и другія божества? Признавать ли Судьбу и Доли божествами отдѣльными отъ Рода и Рожаницъ, или же единичными съ этими послѣдними? Хотя прямыхъ и положительныхъ данныхъ для рѣшенія такого вопроса и нѣтъ, тѣмъ не менѣе есть нѣсколько основаній, дающихъ поводъ думать, что Судьба и Доли суть только иныя названія Рода и Рожаницъ. Основанія этого слѣдующія: а) Родъ и Рожаницы извѣстны болѣе по письменнымъ памятникамъ, а Судьба и Доли—по народнымъ сказаніямъ. Очень, поэтому, вѣроятно, что одни и тѣ же божества сперва назывались Родомъ и Рожаницами, а потомъ Судьбою и Долями. б) Дѣйствительно, во многихъ письменныхъ памятникахъ тамъ, гдѣ нужно было поставить слово Судьба, поставлялось иногда слово „рожденіе“. Такъ въ древлеславянскомъ переводѣ хроникъ Малалы и Амартола греческое слово εἱμαρμένη, означающее судьбу, объясняется словомъ „рожденіе“. „Имармѣнию же сдѣлавшіи прелесть нѣкоую глаголемую рожденіе, ея же развѣ ничесожъ пострадати, ли творити могуще комоу-любо, знаменословять, и въ таковоую прелесть и нечестіе въ-падаютъ; имѣвъ бо нѣкыи, яко развѣ рожденія—кромѣ Имармѣніи никтожъ ни сътворити, ни пострадати власть имать“ [4]). Изъ словъ Іоанна

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 395.
[2]) Срп. народ. пјесме 1. 32, 34, 45.
[3]) Срп. Рјечник, 125.
[4]) Привед. у Аѳанасьева, т. III, стр. 388.

Златоуста видно, что и у грековъ слово Судьба замѣнялось часто словомъ „рожденіе“. Такъ въ словахъ, направленныхъ противъ фатализма, читаемъ: „εἰ Θεός, οὐ γένεσις или εἰ γένεσις, οὐ νόμος, εἰ δέ νόμος, οὐ γένεσις», что и обозначается въ древнихъ переводахъ соотвѣтственно первому мѣсту: „аще Бо́гъ есть, нѣсть рожденія“, а соотвѣтственно второму: „аще рожденіе—то не законъ, аще законъ—то не рожденіе“ [1]). в) Въ народныхъ сказаніяхъ сохранились, какъ сказано при указаніи признаковъ Рода, двѣ пословицы, которыя довольно ясно показываютъ, что слово Родъ употреблялось совершенно равнозначительно слову „Судьба“. Такова пословица: „отъ роду не въ воду“. г) Названія, какія усвояются у чеховъ и болгаръ Рожаницамъ, ясно показываютъ, что богини эти представлялись весьма близко стоящими къ Судьбѣ. Таково особенно чешское названіе „Судичьки“ (Sudice, Sudicke); оно происходитъ отъ того же самаго слова „судить“, какъ и Судьба. Тоже нужно сказать и о болгарскомъ названіи Рожаницъ—Орисницами. Происходя отъ слова: „рисикъ, ризикъ“, означающаго счастье, судьбу, оно равнозначительно чешскому названію Судицы. д) Свойства Рожаницъ совершенно тѣ же, что—Долей. Онѣ также не только опредѣляютъ Судьбу рожденнаго, но и находятся при немъ. Такъ по вѣрованію хорутанскихъ словенцевъ въ Нижней Крайнѣ и Каринтіи каждый человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою Роженицу, которая прорекаетъ ему судьбу [2]). На основаніи всѣхъ такихъ данныхъ можно съ полною вѣроятностію признать, что словами Родъ и Рожаницы и Судьба и Доли назывались одни и тѣ же божества, что названія первыя суть начальныя, а вторыя—позднѣйшія. Здѣсь и заключается разгадка тому замѣчанію, какое сдѣлано Прокопіемъ относительно непризнанія Судьбы славянами. Оно сдѣлано имъ на томъ очевидно основаніи, что слово Судьба замѣняемо было тогда другимъ словомъ.

Но если Родъ и Судьба суть названія одного и того же бо-

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 388.

[2]) Архивъ историко-юридич. свѣд., кн. II, половина 1-я, стр. 107.

жества, то что, спрашивается, признаваемо было за такое божество? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже не представляетъ столькихъ затрудненій, какъ предъидущій. Религія славянъ была, какъ извѣстно, натуралистической религіей, а среди предметовъ природы есть одинъ только предметъ, который можетъ занимать соотвѣтствующее Роду и Судьбѣ высокое положеніе, это—солнце. Дѣйствительно оно изображалось предками и какъ всераждающее и какъ всевидящее, всезнающее. Что оно изображалось какъ источникъ всякаго рожденія, яснымъ доказательствомъ тому служатъ всѣ совершавшіяся въ честь его празднества, и особенно праздникъ коляды, соотвѣтствующій нашимъ святкамъ. Что составляетъ основную мысль этого праздника, какъ не мысль объ урожаѣ и счастіи? Объ урожаѣ и счастіи думаетъ сербъ, когда встрѣчаетъ идущаго къ нему съ зерномъ разнаго хлѣба полежайника. Объ урожаѣ и счастіи думаютъ малороссы, когда принимаютъ колядующихъ и посыпающихъ полъ зернами дѣтей. Объ урожаѣ думаетъ поселянинъ, когда присматривается къ количеству звѣздъ, къ количеству инея на деревьяхъ и т. п. О счастіи думаютъ дѣвушки, совершая свои гаданья. Изображаясь какъ источникъ рожденія и счастія, солнце, какъ всюду проникающее, какъ озаряющее небо и землю, изображалось кромѣ того всевѣдущимъ, всезнающимъ. Оно есть очевидно тотъ Дѣдъ—всевѣдъ, который составляетъ предметъ многихъ какъ славянскихъ, такъ и германскихъ сказокъ [1]). И такъ, если отъ солнца ждали урожая и счастія, если ему именно приписывали всевѣденіе, то оно очевидно и было почитаемо въ лицѣ божества, именуемаго Родомъ и Судьбой.

Теперь, когда найдено, что именемъ Рода и Судьбы означаемо было боготворимое солнце, не трудно уже найти и то, что означаемо было именемъ Рожаницъ и Долей. Это—свѣтила второстепенныя или звѣзды. Такое именно объясненіе и дается слову „Рожаницы“ древними азбуковниками; „Рожаницами“, говорится въ нихъ, Еллиньстіи звѣздословцы наричютъ семь звѣздъ, глаголемыхъ планиты, и кто въ кую планиту родится, то и по той планитѣ лю-

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 381.

бопрятся предвозвѣщати правъ младенца, или къ коимъ похотемъ естествомъ уклонителенъ будетъ“ [1]). Хотя здѣсь и говорится только о семи планетахъ, но что фантазія народа такимъ числомъ не ограничивалась, на то имѣется очень много указаній. По вѣрованію бѣлоруссовъ каждый человѣкъ имѣетъ свою зирку, которая изображается ими въ видѣ покровительствующаго человѣку духа, а слово зирка значитъ звѣзда [2]). По вѣрованію хорутанъ каждый человѣкъ, какъ только родится, получаетъ на небѣ свою звѣзду, а на землѣ свою Рожаницу [3]). О томъ же самомъ говоритъ и повѣрье, существующее въ отношеніи къ падающимъ звѣздамъ. Если падающая звѣзда означаетъ или рожденіе или смерть, то очевидно жизнь каждаго человѣка связывалась съ отдѣльной звѣздой. Вслѣдствіе такого объединенія Рожаницъ съ звѣздами послѣднія такъ же, какъ и Рожаницы, признаются счастливыми или несчастливыми. Вотъ что говоритъ о своей звѣздѣ Василій Буслаевичъ: „не даромъ мнѣ моя счастливая звѣзда дала силу богатырскую“ [4]). Не такъ говоритъ о звѣздѣ сына своего мать Добрыни:

Видно ты, чадо мое милое,
Зародился ты въ ту звѣзду,
Въ ту минуту безсчастную, неталанную [5]).

Подобная же мысль слышится и въ слѣдующихъ словахъ пѣсни:

Ты скажи, скажи, моя матушка родная,
Подъ которой ты меня звѣздой породила,
Ты какимъ меня счастьемъ надѣлила.

Какъ сильно распространена была у насъ вѣра во вліяніе звѣздъ, видно изъ того, что составлены были, съ цѣлію распознаванія звѣздъ, цѣлыя книги. Въ ряду таковыхъ извѣстны: звѣздочетецъ

---

[1]) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній, кн. II, половина 1-я, стр. 131.
[2]) Тамъ же, 134.
[3]) Срезневскій, Святилища и обряды языческаго Богослуженія, стр. 7.
[4]) Сахаровъ, Сказ. русскаго народа, т. I, стр. 205.
[5]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 324.

и Рожденикъ. Въ первой, какъ сказано въ индиксѣ, „безумніи ищутъ дни рожденія своего, сановъ полученіе и урока житію и бѣдныхъ напастей, различныхъ смертей и казней, въ службахъ и въ купляхъ и въ ремеслахъ“, а во второй, т. е. въ книгѣ Рожденикъ, указаны добрые и злые дни и часы и вліяніе ихъ на судьбу нарождающихся младенцевъ [1]). Потому-то въ памятникахъ церковной проповѣднической литературы есть весьма много мѣстъ, направленныхъ противъ такого вѣрованія. Такъ Іосифъ Волоколамскій въ сочиненіи своемъ „Просвѣтитель“, обвиняя жидовствующихъ, говоритъ: „Баснословія нѣкая и звѣздозаконія оучахоу и по звѣздамъ смотрити и строити роженіе и житіе человѣческое, а писаніе божественное презирати, яко ничтоже суще“ [2]). Максиму Греку принадлежатъ два слова, изъ коихъ въ одномъ онъ говоритъ о томъ, что не звѣздами и колесомъ счастія вся человѣческая устрояются, а въ другомъ—„противу тщащихся звѣздозрѣніемъ предрицати о будущихъ“ [3]). Митрополитъ Даніилъ, обличая въ своихъ поученіяхъ разныя заблужденія, подлежащія церковному осужденію, упоминаетъ о слѣдующихъ: „случай, полученіе и роженіе по звѣздословію“ [4]). Авторъ Домостроя, упрекая своихъ современниковъ, говоритъ: „въ получая вѣруютъ въ родословіе, рекше въ рожаницы, а въ обаяніе по звѣздословію“ [5]). Въ одномъ поученіи конца XVI и начала XVII ст. читаемъ: „неразумніи человѣцы несвершеннымъ своимъ разумомъ увѣряютъ себя въ преходныя звѣзды, рекше въ зодейныя, и въ томъ звѣздномъ хожении мятутся и гадание творятъ по сему, по-неже безумніи людие вѣруютъ въ дванадесять переходныхъ звѣздъ и семь звѣздъ болшихъ планидъ, въ нихъ же невѣгласи вѣруютъ и волхвуютъ, понеже ищутъ дней рожении своихъ и сановъ получение, въ нихъ-же ищутъ рока житию и бѣдныхъ напастей и различ-

[1]) Іоаннъ Экзархъ Болгарскій, 201; Лѣтоп. русской литер., т. IV, отд. 3, стр. 109. См. Аѳанасьевъ, т. III, стр. 322.

[2]) Прав. Собесѣд. 1855, стр. 60.

[3]) Прав. Собесѣд. 1860, IV, 399.

[4]) Памятн. стар. русск. литер., т. IV, 202.

[5]) Временникъ, 1, 42-43. Смотр. Аѳанасьевъ, т. III, стр. 323.

ныхъ смертей и казней въ службахъ и въ куплехъ, и въ ремеслехъ и выныхъ строенiихъ. Симъ же дѣломъ безумнiи человѣцы, оставя божию помощъ, и уклоняются въ развращенная, а не вѣдуще, яко нѣсть се божие повелѣнiе, ни святыхъ апостолъ, ни святыхъ отецъ преданiе, но богопенавистно и мерзко быть Богу такое окаянное дѣло, второе бо идоловѣрiе именуется" [1]). Вѣрованiе въ звѣзды, хотя и не въ томъ какъ прежде видѣ, сохраняется и до настоящаго времени. По мнѣнiю нѣкоторыхъ, звѣзды на небѣ суть ангельскiя души [2]). При видѣ падающихъ звѣздъ нѣкоторые думаютъ, что кто-нибудь умретъ. Въ разговорѣ постоянно слышатся слѣдующiя выраженiя: „Онъ родился въ добрый часъ, подъ счастливой звѣздой" или: „его звѣзда закатилась". На основанiи всего сказаннаго нужно признать, что какъ подъ образомъ Рода и Судьбы понималось солнце, такъ подъ образомъ Рожаницъ и Долей—понимались звѣзды.

б) *Происхожденiе человѣка.* — Человѣкъ, по представленiю славянина, есть существо, имѣющее божественное происхожденiе. Таковымъ признаетъ онъ не только происхожденiе первыхъ людей, но и происхожденiе каждаго человѣка въ отдѣльности. Вліяя на происхожденiе человѣка, божество вліяло, по вѣрованiю славянина, не всегда чрезъ одно посредство родителей, а иногда и чрезъ нѣкоторые другiе предметы. Народныя сказки представляютъ постоянные тому примѣры. Такъ произошли по одной народной сказкѣ три героя: Иванъ Царевичъ, Иванъ Кухорченко и Иванъ Коровьинъ. Особенное значенiе усвояется въ этомъ случаѣ рыбѣ. Всѣ три названные героя обязаны своимъ происхожденiемъ тому, что бывшiя дотолѣ неплодными царица, кухарка и корова съѣли отъ пойманной шелковымъ неводомъ рыбки [3]). Щука, пойманная Емелею дурачкомъ въ уплату за свое освобожденiе, надѣляетъ

---

[1]) Лѣтоп. русской литерат., т. V, отд. III, стр. 100: Поученiе къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума, въ рожденiе мѣсяца и въ наполненiе и въ встохъ и въ преходня звѣзды и въ злые дни и часы.

[2]) Собственныя наблюденiя автора во владимiрской губернiи, а равно у Аѳанасьева, т. I, стр. 161 и 777.

[3]) Народ. русск. сказки, V, 54, VII, 3, VIII, 2.

его такимъ даромъ, что стоило ему только сказать: по моему приглашенію, по щучьему велѣнію будь царевна беременна и она забеременѣла [1]). Подобное же значеніе усвоется сказками яблокамъ. Вотъ что узнаемъ о томъ изъ одной сербской сказки. Былъ человѣкъ, говорится въ ней, который имѣлъ у себя жену и не имѣлъ дѣтей; была у него сука и не было щенятъ; была у него кобыла и не было жеребятъ. Бросилъ онъ свою избу и пошелъ странствовать по бѣлому свѣту. На одномъ изъ студенцовъ встрѣчаетъ его незнакомецъ, даетъ ему яблоко, велитъ воротиться домой и поступить съ нимъ такъ: сними съ яблока кожицу, отдай ее сукѣ и кобылѣ, яблоко разрѣжь пополамъ, самъ съѣшь половину, а другую отдай женѣ, и все, что было до сихъ поръ неплодно, станетъ родить [2]). Признавая вліяніе божествъ добрыхъ, славянинъ, согласно съ своимъ дуалистическимъ на природу воззрѣніемъ, признавалъ и вліяніе божествъ злыхъ. Оно изображалось имъ подъ образомъ или змѣя вообще или огненнаго. Наши народныя сказки постоянно почти имѣютъ его своимъ героемъ. О томъ же говорятъ и муромская легенда о князѣ Петрѣ и супругѣ его Февроніи, попадающаяся въ рукописныхъ сборникахъ XVI—XVIII столѣтій [3]). Въ простомъ народѣ и до сихъ поръ существуетъ вѣрованіе, что къ нѣкоторымъ молодымъ вдовамъ и дѣвицамъ лѣтаютъ змѣи и дѣлятъ съ ними любовь. Плодомъ такихъ сожитій бываютъ необыкновенныя дѣти: они или могучіе богатыри, какъ Волхъ Всеславьевичъ, или уроды, карлики [4]). Всѣ такіе разсказы, хотя и имѣютъ сказочный характеръ, тѣмъ не менѣе они вполнѣ подтверждаютъ ту мысль, что происхожденіе человѣка приписывалось славянинамъ вліянію божествъ.

Признавая происхожденіе человѣка божественнымъ, славянинъ иначе понималъ происхожденіе души и иначе—тѣла. Душа всегда признавалась имъ какъ нѣчто совершенно отъ тѣла отдѣльное,

[1]) Народныя русскія сказки, VII, 31.

[2]) Bojanski prijatelj, 1851 г., II, 171. — Эрбенъ, 254, у Аѳанасьева, т. II, стр. 317.

[3]) Подробно разсказано у Аѳанасьева во II т., стр. 639.

[4]) Аѳанасьевъ, т. II, стр. 578.

независимое. Правда, онъ не усвоялъ ей особенной духовности, а понималъ её то въ видѣ огня, то въ видѣ дыма и пара, то въ видѣ дующаго вѣтра [1]), тѣмъ не менѣе онъ признавалъ ее безсмертною. Это безсмертіе относимо было имъ не только къ ея посмертному существованію, но и ко времени предшествовавшему рожденію человѣка. Она представлялась тогда обитающею въ томъ солнечномъ царствѣ, гдѣ вѣчное лѣто, откуда прилетаютъ весною птицы, откуда приносятся на землю растительныя сѣмена [2]). Откуда исходитъ она, по одному образу въ видѣ звѣзды, по другому—въ видѣ вѣтра, по третьему—въ видѣ искры, приносимой птицами. Соотвѣтственно каждому изъ этихъ образовъ есть свои примѣты. Паденіе звѣздъ почти повсюду считается знакомъ или чьего-либо зачатія или чьей-либо смерти. [3]). Гудѣніе вѣтра въ трубѣ принимается бѣлоруссомъ за знакъ, что въ хату явилась душа, посланная на землю для покаянія [4]); летаніе такихъ птицъ около дома, какъ ворона, сорока, коршунъ и аистъ, считается у чеховъ за предзнаменованіе, что въ домѣ будетъ беременная женщина [5]). Появившись въ человѣкѣ, душа только тогда получаетъ въ немъ права гражданства, когда совершится крещеніе, до тѣхъ же поръ, пока это послѣднее не совершено, она легко можетъ быть или подмѣнена душою лѣшаго или похищена вмѣстѣ съ тѣломъ. Похищеніе и обмѣнъ производятся [6]) по вѣрованію русскихъ—русалками, лѣшими, водяными, по вѣрованію сербовъ—вилами, по вѣрованію поляковъ—дикими женами (dziwozony), по вѣрованію чеховъ вештицами и полубницами. Подмѣненный младенецъ, хотя и сохраняетъ видъ человѣка, однако бываетъ совершенно звѣрообразенъ: онъ ѣстъ, пьетъ, спитъ, бываетъ силенъ,—но никакихъ признаковъ ума у него

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 197—230.

[2]) Čaworiš Mus. 1863 s. 15; срав. Журн. Мин. Пар. Просвѣщенія, 1846 г., VII ст.; Срезневск. 43. Аѳанасьевъ, т. II, стр. 137.

[3]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 207. Сравн. его же статью въ Архивѣ юридич. свѣдѣній, кн. II, половина 1-я, 1855 г., стр. 133.

[4]) Нар. Сл. раз. 140; у Аѳанасьева, т. III, стр. 211.

[5]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 254. О существованіи этого мнѣнія у Индогерманцевъ подробно говоритъ Кунъ въ своемъ классическомъ сочиненіи: Die Herabkunft des Feuers, Kuhn. 1859, s. 107 и дал.

[6]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 309—311.

нѣтъ. По большей части послѣ 11-ти лѣтъ онъ совершенно убѣгаетъ изъ дому; если же остается жить среди людей, то дѣлается колдуномъ и губителемъ христіанскихъ душъ [1]). Что касается похищенныхъ дѣтей, то они уносятся въ дебри, лѣса и возвращаются только тогда, когда кѣмъ-либо произнесется крещальная формула, когда служатся молебны и панихиды и когда плѣненные не дотронутся до пищи. На этомъ основаніи есть очень распространенное на Руси вѣрованіе, что всѣ такія некрещенныя души летаютъ въ Троицынъ и Духовъ день по воздуху и испрашиваютъ себѣ крещенія. Стоитъ только будто-бы произнести надъ такой душой: „крещаю тебя во имя Отца и Сына и Св. Духа“ и она можетъ быть спасена [2]). Всѣ тѣ, которымъ до семи лѣтъ не удалось спастись указаннымъ способомъ, становятся навсегда русалками, мавками, вообще такими же злыми духами, какъ ихъ похитители, а тѣ, которые, по причинѣ тѣхъ или другихъ средствъ, возвращаются въ общества людей, бываютъ дики, угрюмы и съ трудомъ привыкаютъ къ человѣческой рѣчи. Той же самой участи, какой подвергаются некрещенные младенцы, могутъ, по вѣрованію простого народа, подвергаться иногда и крещенные. Такъ бываетъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда отецъ или мать проклинаютъ ребенка. Относительно такихъ случаевъ въ нашемъ народѣ существуетъ весьма много разсказовъ. Вотъ одинъ изъ многихъ. Одна мать прокляла свою дочь въ Свѣтло-Христово Воскресенье, и нечистая сила похитила дѣвушку. Случилось какъ-то бѣдному солдату раздуматься о своемъ житьѣ-бытьѣ: „Эхъ, сказалъ онъ, плохое житье! Хоть бы чертовка за меня замужъ пошла!“ и явилась къ нему ночью эта самая дѣвица. Онъ сейчасъ крестъ ей на шею и повелъ въ церковь. Какъ не устрашали нечистые солдата, онъ всетаки съ ней обвѣнчался [3]).

Единеніе души съ тѣломъ не было признаваемо славяниномъ особенно тѣснымъ и близкимъ. Тѣло представлялось не болѣе какъ

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 312.
[2]) Тамъ же, т. III, стр. 241.
[3]) Тамъ же, т. III, стр. 315.

простой оболочкой, которая легко могла быть замѣнена другой [1]). На основаніи такого воззрѣнія славянинъ вѣритъ, что душа можетъ временно оставлять тѣло и что тѣло человѣка можно по произволу замѣнить какимъ угодно тѣломъ. Оставленіе тѣла душею, по вѣрованію русскихъ, бываетъ только тогда, когда человѣкъ, какъ говорится, обмираетъ, а по вѣрованію сербовъ и черногорцевъ даже въ состояніи и обыкновеннаго сна [2]). Есть лица, въ отношеніи къ которымъ у насъ допускается послѣдній случай. Таковы колдуны и колдуньи. Ихъ духъ, будучи демоническимъ, принимаетъ во время сна разные образы и странствуетъ всюду, гдѣ ему хочется [3]). Что касается замѣны тѣла, то она совершается только колдунами и притомъ при помощи извѣстныхъ средствъ. Болѣе обычнымъ считается превращеніе въ волка. Въ Украинѣ и Бѣлоруссіи такихъ невольныхъ оборотней называютъ вовкулаками. Допускается однако превращеніе и въ образъ другихъ звѣрей и даже птицъ. Всѣ такіе оборотни изображаются существами болѣе страдающими, чѣмъ злыми. Они сохраняютъ человѣческій смыслъ и никогда не позволяютъ себѣ нападать ни на стадо, ни на человѣка. Напротивъ, встрѣчаясь съ человѣкомъ, они жалобно на него смотрятъ и даже плачутъ [4]). Особенно часты случаи обращенія бываютъ, по вѣрованію народа, во время свадебъ. Въ одномъ старинномъ стихотвореніи, въ ряду перечисляемыхъ грѣховъ, встрѣчаемъ слѣдующій:

По свадьбамъ душа много хаживала.
Свадьбы звѣрьями оборачивала [5]).

На этомъ основаніи крестьяне стараются во время свадьбы всячески задобрить лицъ, считающихся подозрительными въ этомъ случаѣ, а равно и вообще удалять всякое недовольство. Въ Бѣ-

---

[1]) Памятн. XII в., 94. У Аѳанасьева, Т. III, стр. 196.
[2]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 196.
[3]) Тамъ же.
[4]) Тамъ же, стр. 550.
[5]) Лѣтоп. Русск. литер., т. I, стр. 156; Аѳан., т. III, 551.

лоруссіи ходитъ разсказъ, что нѣкогда праздновалась свадьба и вдругъ, нежданно-негаданно, среди шумнаго веселья женихъ и всѣ прочіе мужчины были превращены чародѣемъ въ волковъ, женщины—въ сорокъ, а невѣста въ кукушку [1]). Средства, употребляемыя, по вѣрованію народа, колдунами и колдуньями, стоятъ въ совершенномъ соотвѣтствіи со взглядомъ славянина на тѣло какъ на простую оболочку. Въ ряду ихъ самымъ дѣйствительнымъ считается набрасываніе звѣриной шкуры. Есть разсказъ, что на охотничьей облавѣ убили трехъ волковъ, и когда стали снимать съ нихъ шкуры, то подъ первою нашли молодаго жениха, подъ второю невѣсту въ вѣнчальномъ уборѣ, а подъ третьей музыканта со скрипкою [2]). Кромѣ того обращеніе усвояется опоясыванію волшебной веревкой и ударомъ зеленою вѣткою [3]).

Хотя тѣло человѣка и признавалось не болѣе какъ простой оболочкой, тѣмъ не менѣе и его созиданіе усвоялось дѣлу боговъ. Оно совершалось, по воззрѣнію славянина, тѣми богинями, которыя назывались имъ Рожаницами, судичками, орисницами, вилами и т. п. Что касается способа созиданія тѣла, то таковый представлялся то подъ образомъ пряжи, то подъ образомъ завиванія, плетенья. Здѣсь причина, почему сербы называютъ рожаницъ между прочимъ и вилами. Здѣсь же причина и такихъ поговорокъ, какъ „нить жизни“, „жизнь висѣла на ниточкѣ, на волоскѣ“ и т. д. Вслѣдствіе такихъ представленій объ образованіи тѣла, славянинъ не безразлично относился и ко всему тому, что вилось, плелось, прялось обыкновенными людьми. Онъ поставлялъ это часто въ связь съ рожденіемъ и смертію. Такъ если вить, по вѣрованію нѣкоторыхъ поселянъ, на святкахъ веревки или плести лапти, то въ домѣ легко можетъ родиться или уродъ или кривой [4]). Отсюда же, очевидно, получило свое начало и то значеніе, какимъ пользуется у

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 551.

[2]) Семеньск. 142; Абев. 80; Иллюстр., 1845, 415. См. у Аѳанасьева, т. III, 552.

[3]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 552 и 555.

[4]) Могил. Г. В. 1852 г., 4; Народ. Сл. раз., 162. См. у Аѳанасьева, т. III, стр. 342.

всѣхъ славянъ плева, облекающая младенца въ утробѣ матери. Признавая таковую за остатокъ сотканной богами тѣлесной ткани, они вѣровали, что всякій, кому удастся родиться не только всецѣло, а даже на половину въ ней (въ чепцѣ), не можетъ быть несчастливымъ. Поэтому сорочки эти составляли предметъ самаго тщательнаго храненія. Онѣ были зашиваемы или въ рубашку или въ особый носимый на крестѣ мѣшочекъ, называемый иногда ладонкой [1]). По свидѣтельству Стоглава, суевѣрное почитаніе ихъ доходило до того, что онѣ приносимы были въ храмы и оставляемы священниками въ теченіи шести недѣль на престолѣ.

в) *Родильныя празднества.* Рожденіе человѣка сопровождалось у славянъ разными празднествами, изъ коихъ одни совершались непосредственно послѣ рожденія, а другія—значительно послѣ. Празднества, совершавшіяся непосредственно, носили, какъ кажется, названіе рожаничныхъ трапезъ. Они совершались въ честь покровительствовавшихъ рожденію божествъ, каковыми, какъ указано выше, признавались Родъ и Рожаницы. Въ составъ празднества входило слѣдующее: а) приношеніе нѣкоторыхъ кушаньевъ и напитковъ, а именно: хлѣба, сыра, меда и кутьи. Въ вопросахъ Кирика (XII) читаемъ: „аже се Роду и Рожаницѣ крають хлѣбы и сиры и медъ? Бороняше велми (Епископъ): нѣгдѣ, рече, молвить: горе пьющимъ Рожаницѣ“ [2])! Подобныя же указанія на жертвенныя яства находятся и во всѣхъ словахъ, приписанныхъ Златоусту; б) приношеніе означенныхъ яствъ и напитковъ сопровождалось особаго рода молитвами. Въ словѣ христолюбца говорится: Не такожъ зло творимъ просто, но и мѣшаемъ *нѣкіи чистыя молитвы со проклятымъ моленьемъ идольскимъ* иже ставятъ лише кутьяяны трапезы законнаго обѣда, иже нарицается безаконная трапеза менимая Роду и Рожаницамъ [3]); в) пѣніе въ честь Рода и Рожаницъ хвалебныхъ пѣсней. Въ словѣ, приписан-

---

[1]) Абевег. 295; Аѳанасьевъ, т. III, 360; Стоглавъ, 1551, гл. 5, 12, 39, 43.

[2]) Памятн. XII в., 179. У Аѳанасьева, т. III, 416.

[3]) Лѣтоп. русской литер. и древн., т. IV: «Слова направленныя противъ язычества», стран. 90.

номъ Іоанну Златоусту, о поставляющихъ вторую трапезу Роду и Рожаницамъ говорится: „Работающіи ми благословятся, помять Богу истинному, а вы *поете пѣсни бѣсовьскыя идолом Родоу и Рожаницам*“ [1]). Такъ какъ Родъ или солнце былъ почитаемъ покровителемъ и всякаго другаго рожденія, то все, что было при родинахъ, было и на тѣхъ празднествахъ, какія устроялись во дни такъ называемаго солноворота или, какъ во времена христіанскія, во дни святокъ. И здѣсь, какъ на родинахъ, главная роль въ ряду кушаньевъ принадлежала хлѣбу и кутьѣ или, что тоже, кашѣ, и здѣсь, какъ тамъ, пѣлись въ честь божествъ хвалебныя пѣсни и наблюдались разнаго рода предзнаменованія счастія и несчастія.

Въ ряду празднествъ, совершавшихся не непосредственно послѣ рожденія, самымъ замѣчательнымъ было безъ сомнѣнія празднество „*Постриги*“. Оно состояло въ посвященіи рожденнаго его Рожаницѣ или тому генію, подъ покровительствомъ котораго онъ признавался находившимся. Знакомъ такого посвященія было постриженіе волосъ. Постриженіе производилось своего рода воспріемниками. Обычай постриженія, какъ не противорѣчащій духу христіанскаго ученія, не только оставленъ церковію неприкосновеннымъ, но даже принятъ ею, только, разумѣется, съ указаніемъ иного, чѣмъ имѣлъ онъ, значенія. Въ настоящее время церковное постриженіе совершается вмѣстѣ съ совершеніемъ таинства св. крещенія, а прежде оно бывало актомъ совершенно отдѣльнымъ и при томъ совершавшимся значительно спустя послѣ рожденія. Оно совершалось въ церкви, куда постригаемый приводился своимъ крестнымъ отцемъ [2]). Тамъ читалась надъ нимъ та самая молитва, которая и теперь читается при постриженіи власовъ. „Заповѣдавый, говорится въ ней, вся во славу твою творить пришедшаго раба твоего начатокъ сотворити стриженъ власы главы своея, благослови вкупѣ съ его воспріемникомъ“. Не смотря на освященіе постриже-

---

[1]) Архивъ Историко-юридическ. свѣдѣній, Т. II, полов. 2-я, статья Срезневскаго, 99—101.

[2]) Терещенко, Бытъ русск. народа, ч. III, стр. 50.

нія св. церковію, обычай прежняго постриженія у насъ долго сохранялъ свою силу. О сынѣ Іоанна III Георгіѣ извѣстно, что онъ по достиженіи семилѣтняго возраста (въ 1487 г.) былъ посаженъ на сѣдло и потомъ постриженъ [1]).

III.

Само собою понятно, что всѣ указанныя выше вѣрованія пропасть безслѣдно не могли. Такъ какъ степень умственнаго развитія нашихъ предковъ была такова, что немногіе изъ нихъ могли возвыситься до правильнаго пониманія великихъ христіанскихъ истинъ, то одни изъ прежнихъ вѣрованій и обычаевъ вошли въ составъ новаго міросозерцанія совершенно въ томъ же видѣ, какъ были прежде, а другіе въ видѣ нѣсколько измѣненномъ. Такъ, если повнимательнѣе присмотрѣться къ тому понятію о Божествѣ, какое имѣютъ наши простолюдины, то окажется, что въ немъ многое взято изъ прежняго вѣрованія въ Судьбу. Оно изображается имъ, какъ и Судьба, дѣйствующимъ также слѣпо и также необходимо. Въ доказательство такой близости достаточно указать на слѣдующую весьма характерную пословицу: „Лежень лежитъ, а Богъ для него долю держитъ“. Здѣсь Богъ изображается, какъ и судьба, управляющимъ долею человѣка и ни мало, какъ и та, не сообразующимся съ его заслугами. Тоже самое можно видѣть и изъ многихъ другихъ пословицъ, напримѣръ: „Богъ даетъ долю и въ чистомъ полѣ“, „Смерть да жена Богомъ суждена“, „Тако ньему Богъ и Срѣча дала“ и т. п. Правда простолюдинъ придаетъ значеніе молитвѣ и тѣмъ дастъ какъ будто понять, что онъ вѣруетъ въ существо свободно правящее, но, если присмотрѣться повнимательнѣе къ характеру молитвы, то окажется, что и при молитвѣ онъ остается вѣренъ своему взгляду на Божество, какъ на судьбу. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ своей жизни, когда ему нужна особенная помощь, онъ обращается не къ молитвѣ вообще,

[1]) Терещенко, ч. III, стр. 50.

а только къ нѣкоторымъ извѣстнымъ, состоящимъ изъ извѣстныхъ словъ. Я хорошо помню, какъ сильно распространено было между моими товарищами по школѣ убѣжденіе, что какъ бы ни силенъ былъ гнѣвъ смотрителя, инспектора и учителя, но если только подойти къ нимъ съ словами псалма: „Помяни Господи Давида и всю кротость его", никакой бѣды не послѣдуетъ. Точно также и всякій другой случай жизни имѣетъ, по вѣрованію простолюдиновъ, свои молитвы. Таковыми бываютъ или прямо молитвы церковныя, или церковныя—но съ нѣкоторыми прибавленіями, или наконецъ совершенно измѣненныя. Такъ для успѣшнаго разведенія пчелъ существуетъ цѣлый молитвенникъ, который предписывается читать въ пчельникѣ между заутреней и обѣдней въ день праздниковъ Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, вербнаго воскресенья и Пасхи [1]). Особенно важное значеніе придается апокрифической молитвѣ, извѣстной подъ именемъ „Сонъ Богородицы". „Кто эту молитву знаетъ, говорится въ послѣсловіи, трижды въ день читаетъ, спасенъ бываетъ: отъ воды и отъ потопу, отъ огня—отъ пламя, отъ лихаго человѣка, отъ напрасной смерти" [2]). Если такимъ образомъ, только извѣстныя молитвы признаются въ большинствѣ случаевъ имѣющими значеніе, то—ясно, что молитва разсматривается какъ заговоръ, а Божество, какъ Судьба, которая, чтобы ни было человѣкомъ сказано, если сказано только въ извѣстной данной отъ нея формулѣ, неминуемо исполняетъ сказанное. Будучи поставляемо, какъ и судьба, въ зависимость отъ извѣстнаго рода молитвъ, Божество поставляется, какъ и та, въ зависимость даже отъ обыкновеннаго человѣческаго слова. Стоитъ только высказать искренно или благожеланіе или проклятіе, и какъ то, такъ и другое, будетъ исполнено. Здѣсь причина, почему среди ссоры постоянно въ простонародьѣ слышится: чтобы съ тобой было то, было это [3]). Народъ вѣритъ, что всякое высказываемое имъ бла-

[1]) Щапова, Историческіе очерки народнаго міросозерцанія и суевѣрія. Журн. Мин. Народ. Просв., 1863 г., 1—3.

[2]) Калѣки пер., IV, 203, 210-6.

[3]) О! чтобы тебя пострѣлило! «Няхай на цябе всё повѣтрie». Обл. сл. 10-11, 87, 293.

гожеланіе и зложеланіе непремѣнно исполняется. Ничто такъ не обрисовываетъ это вѣрованіе, какъ слѣдующая и до сихъ поръ постоянно слышимая поговорка: „въ добрый часъ сказать, въ лихой помолчать“. Онъ прямо свидѣтельствуетъ, что не столько вѣра во всеблагой и премудрый промыслъ Божій, сколько вѣра въ слѣпую судьбу одушевляетъ нашъ простой народъ.

Не будучи въ состояніи возвыситься до правильнаго воззрѣнія на ученіе о Божествѣ, народъ тѣмъ болѣе не могъ возвыситься до такого воззрѣнія на ученіе объ ангелахъ и святыхъ Божіихъ. Какъ къ вѣрованію въ Бога имъ примѣшивается вѣра въ судьбу, такъ къ вѣрованію въ ангеловъ и святыхъ имъ примѣшивается вѣрованіе въ тѣ силы, чрезъ которыя дѣйствовала судьба и которыя извѣстны ему подъ именемъ долей, рожаницъ и т. п. Говоря объ ангелахъ, простолюдинъ рѣдко когда понимаетъ подъ ними тѣ невидимыя безплотныя, святыя, духовно-нравственныя существа, которыя руководятъ нами въ духовно-нравственной нашей жизни. Нѣтъ, они стали для него тѣмъ же, чѣмъ почитаемы были подчиненныя судьбѣ рожаницы. Какъ эти послѣднія признавались живущими и дѣйствующими по преимуществу въ звѣздахъ и планетахъ, такъ и ангеламъ отводятся тамъ же и жилище и мѣсто дѣйствія. Вотъ что читаемъ въ одномъ древнемъ памятникѣ нашей письменности, въ посланіи старца Елеазарова монастыря Филоѳея „О написаніи Николаевѣ дьяку великаго князя Мисюру Мунехину“: „А о звѣздномъ теченіи, говоритъ старецъ, и о солнцѣ, и о лунѣ, да вѣсть твоя честность, яко не самыя тыя звѣзды двизамы суть, ниже чувственны или животны и ни зрятъ ни на что же, но огнь не вѣщественъ, ничто же вѣсть, ниже знаетъ. Но преносимы суть отъ Ангельскихъ невидимо силъ. Самовѣдецъ сему Богоизбранный сосудъ апостолъ, иже третины тверди не дошедъ, посреди самыхъ звѣздъ былъ и тамо видѣлъ самыя тыя ангельскія силы, како непрестанно служение имутъ человѣка ради: овіи солнце носятъ, друзіи луну, иныя звѣзды, овіи же воздухъ правятъ, вѣтры, облаки, громы, отъ послѣднихъ земли воды возносятъ облакомъ и лице земли напаяютъ, на рощеніе плодомъ, на

весну и жатву. Ангели на есень и зиму“ [1]). Здѣсь хотя и замѣтенъ нѣкоторый прогрессъ въ пониманіи ангельскаго ученія: потому что авторъ уже не вѣритъ ни во вліяніе злыхъ часовъ, ни въ звѣздочетцовъ, тѣмъ не менѣе и здѣсь ангелы являются въ самомъ близкомъ отношеніи къ звѣздамъ. Они руководятъ ихъ теченіемъ. Тоже самое воззрѣніе на ангеловъ и до сихъ поръ сохраняется въ народѣ. Онъ говоритъ, что „вечеромъ каждый ангелъ зажигаетъ свою звѣзду, какъ лампаду, а къ утру тушитъ ее“ [2]). Это зажиганіе, по его вѣрованію, не безцѣльно. Оно назначается для наблюденія за жизнію человѣка. По сообщенію „Смоленскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ между поселянами тамошнихъ мѣстъ существуетъ слѣдующее примѣчательное на звѣзды воззрѣніе: какъ только народится человѣкъ, то Господь тотчасъ же велитъ прорубить въ небѣ окошечко и посадитъ къ нему ангела наблюдать за дѣлами и поступками новорожденнаго въ продолженіи всей его жизни; ангелъ смотритъ и записываетъ въ книгу, а людямъ кажется, что то звѣзда свѣтится. А когда человѣкъ умретъ—окно запирается и звѣзда исчезаетъ — падаетъ съ неба [3]). Вотъ почему, когда простолюдинъ видитъ падающую звѣзду, то всегда думаетъ, что ангелъ летитъ и что кто нибудь или родился или умеръ [4]). Также матеріально понимаетъ простолюдинъ дѣятельность ангеловъ и въ томъ случаѣ, когда обращаетъ ее въ отношеніи къ человѣку. Признавая себя окруженнымъ злыми демоническими силами, онъ ограничиваетъ дѣятельность ангеловъ исключительно тѣмъ, чтобы противодѣйствовать этимъ силамъ, вести борьбу съ ними.

Еще болѣе, чѣмъ ангелы, сближаема была съ древними рожаницами Пречистая Богоматерь, Пресвятая Дѣва Марія. Обстоя-

---

[1]) Рукопис. Хронографъ Солов. Библ. № 53 л. 344. Привед. въ статьѣ: «Воззрѣнія древне-русскаго народа на Ангеловъ и злыхъ духовъ».—Руковод. для сельск. пастырей, 1867, т. I, стр. 590.

[2]) Отечеств. Записки, 1842 г., статья Мельникова, стр. 51; см. Архивъ Историко-юридич. свѣдѣній о Россіи, Кн. 1-я., 1854, Отд. VI, стр. 8.

[3]) Смод. Губер. Вѣд., 1853, № 7. См. Аѳанасьевъ, т I., стр. 161.

[4]) Собственныя наблюденія автора.

тельствъ содѣйствовавшихъ такому сближенію было очень много. По объясненію Аѳанасьева, уже самое слово Дѣва, какъ означавшее по санскриту небесное божество (Dêwa), напоминало славянину о той красной дѣвицѣ, которая олицетворяла собою утреннюю и вечернюю зарю и которая застилала небо сотканною ею чудною розовою тканью [1]). На туже мысль наводили, по всей вѣроятности, по причинѣ простодушной наивности, и нѣкоторыя какъ изъ церковныхъ пѣснопѣній, такъ и изъ церковныхъ изображеній. Въ церковныхъ пѣснопѣніяхъ, какъ напримѣръ въ акаѳистѣ, она часто, въ видѣ сравненія, называется то звѣздою, то зарею умнаго солнца [2]), а въ церковной иконописи, особенно древней, она часто, при изображеніи событія Благовѣщенія, изображалась сидящею на прялкѣ. И вотъ дѣйствительно въ одномъ изъ заговоровъ на утишеніе крови читаемъ слѣдующее: „на морѣ, на океанѣ, на островѣ на Буянѣ, лежитъ бѣлъ-горючъ камень; на семъ камнѣ... стоитъ столъ престольный, на семъ столѣ сидитъ красна дѣвица. Не дѣвица сіе есть, а Мать Пресвятая Богородица, шьетъ она вышиваетъ золотой иглой, ниткой шолковой. Нитка оборвись, кровь закинекись“ [3]). Не мало способствовали къ сближенію и самыя событія Ея жизни. Она удостоена быть Матерію Господа; Она безболѣзненно совершила какъ Свою непраздность, такъ и рожденіе, а всего этого было вполнѣ достаточно, чтобы славянинъ могъ видѣть въ Ней такую же покровительницу брака, беременности и рожденія, какую видѣлъ прежде въ своихъ рожаницахъ. Не безъ вліянія остались наконецъ и названія нѣкоторыхъ празднествъ, установленныхъ въ честь и славу ея. Сюда относятся: Зачатіе св. Анны, Рождество Пресвятыя Богородицы, Покровъ Пресвятыя Богородицы, Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы. По всѣмъ этимъ обстоятельствамъ вѣра въ предстательство Богоматери получила особенный своеобразный характеръ, весьма близкій къ тому, какимъ отличалась древняя вѣра въ Рожаницъ. Такъ, если та или дру-

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. I., стр. 225.

[2]) Акаѳистъ Божіей Матери.

[3]) Аѳанасьевъ, т. I, стр. 223.

тая дѣвица обращалась съ молитвою о замужествѣ, то обращалась не вообще къ Богоматери, а именно къ Покрову Пресвятыя Богородицы. Это потому, что слово „Покровъ“, будучи понято согласно съ древними представленіями о покровахъ зари, наводило дѣвицъ на ту мысль, что она, покрывая міръ своими покровами, покроетъ ихъ и той фатой, какая употреблялась при отдачѣ въ замужество. „Покровъ-Пресвятая Богородица! говорятъ въ такихъ случаяхъ дѣвушки, покрой мою побѣдную голову жемчужнымъ кокошникомъ, золотымъ подзатыльникомъ“ [1]). Въ Бѣлоруссіи при ставленіи свѣчей предъ иконой Покрова Богородицы, дѣвицы молятся такъ: „Святый Покровъ! Покрывъ землю и воду, покрый и меня молоду“ [2]). Въ вологодской губерніи молитва о брачномъ покровѣ выражается еще замѣтнѣе. Тамъ она сопровождается приношеніемъ пелены, устроенной дѣвушками въ одинъ день [3]). Какъ Покровъ Богородицы представлялся покровителемъ дѣвицъ ищущихъ брачнаго покрова, такъ Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы представлялось покровителемъ ихъ вхожденія при замужествѣ въ чужой домъ, а Срѣтеніе — срѣтающимъ ихъ тамъ. „Введенье Мать Богородица, говорятъ въ эти праздники дѣвушки, введи меня въ чужую сторонушку! Стрѣтенье мать Богородица! встрѣть меня на чужой сторонушкѣ“ [4]). | Еще болѣе при- 44
нается Богоматерь покровительствующею при родахъ, но и здѣсь, какъ въ предъидущихъ случаяхъ, не собственно Сама Она, а празднество, установленное въ честь и славу Ея рождества. До сихъ поръ время, когда совершается празднество это, именно 8 сентября, называется у всѣхъ славянъ [5]) бабьимъ лѣтомъ, чѣмъ ясно указывается, что оно имѣетъ особенное значеніе для женщинъ. Такъ дѣйствительно и видимъ. Тропарь этого праздника игралъ, какъ свидѣтельствуютъ памятники, большую роль при празднествахъ родильныхъ. Онъ прилагался и даже самими священниками къ

---

[1]) Аѳанасьевъ, т. I, стр. 239.
[2]) Тамъ же, стр. 240.
[3]) Тамъ же, стр. 237.
[4]) Тамъ же, стр. 240. См. примѣчаніе.
[5]) Hanuš Bojeslovny kalendář-Slovansky, s. 212.

тѣмъ трапезамъ, которыя устроялись въ честь рода и рожаницъ. Здѣсь причина тѣхъ обличеній, какія слышатся по этому поводу изъ устъ проповѣдниковъ. Вотъ что читаемъ въ словѣ нѣкоего Христолюбца: „Не тако же простотою злѣ служимъ, нъ(о) смѣшаемъ съ идольскою трапезою трь Стыя Бця съ рожаницами въ прогнѣваніе Бгоу“ [1]). Еще опредѣленнѣе указаніе находится въ словѣ приписанномъ по Паисіеву Сборнику св. Григорію: „наченше въ поганьствѣ, даже и доселѣ, проклятаго того ставленія. вторыя трапезы Родоу и Рожаницамъ на прѣльсть вѣрнымъ хртьяномъ и и на хоулоу стомоу крщенію и на гнѣвъ Богоу по стѣмь крщеніи черевоу работни попове оуставиша трепарь прикладати рѣтва Бци къ рожиничьнѣ трапезѣ отклады дѣюче“ [2]). Остатки этого двоевѣрнаго обычая можно видѣть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ и до сихъ поръ. Вотъ что поется между прочимъ на крестинахъ въ Западнорусскомъ краѣ:

„Ви, кумове, весели бувайте,
Бесідовъ ся не забавляйте,
Гуляйте, співайте,
Пречистую Діву вихваляйте,
Щоби своего молила сина,
Яко єго мати єдина,
За нами слугами
А мати Божая будь зъ нами“ [3]).

Тоже воззрѣніе на Богоматерь высказывается женщинами и въ томъ чествованіи, какое совершается во дни посвященные воспоминанію событій рожденія Ей-Самой. Такъ въ праздникъ Рождества Христова оно высказывается тѣмъ, что на другой день его женщины приходятъ въ храмъ съ нарочито испеченными въ честь Богородицы пирогами, а такое чествованіе весьма близко подходило къ совершавшемуся во дни солоноворота чествованію Рода и

[1]) Лѣтописи Русской Литературы, т. IV, отд. III, 94-95
[2]) Лѣтописи Русской Литературы, т. IV, отд. III, стр. 101.
[3]) Труды Этнографическо-статистической Экспедиціи въ Западно-Русскій край, т. IV, стр. 12.

Рожаницъ. Здѣсь причина, почему оно строго осуждаемо было церковною властію. Вотъ что писалъ въ 1590 г. по его поводу кіевскій митрополитъ Михаилъ: „И тежъ пироги на завтріе Рождества Христова, которые приносятъ до церковей, мняше въ честь Богородицы, еже есть велико безчестіе и догматъ безбожныхъ еретикъ, дѣвая бо Богородица паче слова и разума нетлѣнно роди“ [1]) Тоже самое нужно сказать и о праздникѣ Срѣтенія Господня. Какъ на другой день праздника Рождества Христова существуетъ обычай приносить хлѣбъ, такъ въ праздникъ Срѣтенія существуетъ обычай святить воду. Принимая во вниманіе, что водѣ этой придается совершенно тоже значеніе, какъ и водѣ, которую употребляетъ повивальная бабка при размываніи рукъ послѣ родовъ, а именно, что она предохраняетъ женщинъ и дѣтей отъ такъ называемаго „Престрита“ [2]) (сглазиванія, призора очесъ), можно съ несомнѣнностію сказать, что и въ этомъ прославленіи Богородицы есть остатокъ вѣрованій въ покровительствовавшихъ родамъ богинь. Явнымъ доказательствомъ тому служитъ обычай болгаръ ходить въ этотъ день къ повивальной бабкѣ, короновать её и получать отъ нея омовеніе рукъ [3]). Поставляя Богоматерь въ близкія отношенія къ женщинамъ, народныя вѣрованія поставляютъ ее въ таковыя же и къ дѣтямъ. Хотя представленіе это, какъ и представленіе о покровительствѣ женщинамъ, вполнѣ объяснимо и съ христіанской точки зрѣнія, но что и оно, какъ и то, носитъ на себѣ слѣды иныхъ представленій, видно изъ слѣдующаго. Богоматерь представляется какъ царица того обиталища или рая, въ которомъ находятся какъ души нерожденныхъ, такъ и души дѣтей умершихъ. Тамъ она надѣляетъ ихъ яблоками, вишнями, земляникой и другими плодами. По сказанію чеховъ, когда умретъ дитя некрещеннымъ, его принимаетъ Пречистая Дѣва, и уноситъ въ свою небесную обитель; тамъ Она надѣляетъ его разными плодами, если только оставшаяся

---

[1]) Привед. у Калинскаго, Церковно-народный мѣсяцословъ, стр. 82.

[2]) Объ обычаѣ святить воду и значеніи, придаваемомъ водѣ, см. «Руководство сельскихъ пастырей», 1867 г., № 6.

[3]) Русскій Вѣстникъ, 1879 г., Іюль: Очерки изъ быта Болгаръ, стр. 209.

въ живыхъ мать не вкушаетъ плодовъ до Успеньева дня [1]). На основаніи такого сказанія и вообще матери умершихъ дѣтей воздерживаются, по сказанію Гануша, отъ употребленія плодовъ до означеннаго дня [2]). Тоже вѣрованіе есть и между русскими [3]). Что касается отношеній Богоматери къ живымъ дѣтямъ, то и до сихъ поръ они представляются въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма близкими къ тѣмъ, въ коихъ представлялись отношенія Рожаницъ. По вѣрованію бѣлоруссовъ назначеніе участи ребенка или доли его зависитъ отъ Богоматери. Вотъ что говорится въ одной изъ крестинныхъ пѣсенъ:

А у нядзѣлечку паранюсенька што у неби зазвинѣла
А у неби звиняць, а у неби звиняць,
А у неби звиняць, самъ Богъ идзець,
Господь Богъ идзець и долячку нясець,
Долячку нясець гэтому дзицяцѣ.
И пытаицця у Прачистой,
Што яму за долю даць:
Чи збажовую, чи грошовую,
Чи тую вѣнчастую?
И збожовую, и грошовую
И тую вѣнчастую [4]).

Если желаютъ поэтому поставить дитя подъ особое покровительство Богоматери и тѣмъ сохранить его, то не употребляютъ въ одеждѣ ребенка до 3-хъ лѣтъ, а иногда и до 7 лѣтъ, никакого другаго цвѣта, кромѣ голубаго. Это потому, какъ мнѣ лично было объясняемо, что такой только цвѣтъ употребляла Богоматерь въ своей одеждѣ.

Помимо Пресвятой Богородицы есть еще нѣсколько святыхъ, которымъ усвояется славяниномъ особое вліяніе на рожденіе и первоначальное состояніе человѣка. Таковы: святая праведная Анна,

---

[1]) Аѳанасьевъ, томъ III, стр. 264.
[2]) Bojeslovny kalendaŕ, s. 203.
[3]) Аѳанасьевъ, т. III, стр. 265.
[4]) Шейнъ, Бѣлорусскія народныя пѣсни, стр. 433. См. варіанты этой пѣсни на стр. 7.

святая Анастасія, св. Іуліанъ, святый Никита и святый пророкъ Наумъ. Святая праведная Анна, память которой празднуется 9-го св. церковію 8-го декабря, признается въ простомъ народѣ покровительницею беременныхъ. Такое воззрѣніе образовалось на томъ очевидно основаніи, что празднество въ честь ея носитъ названіе „Зачатіе св. Анны". По сказанію Петрушевича, русскія женщины имѣютъ обычай въ этотъ день поститься [1]). Насколько св. Анна изображается покровительницею беременности, настолько святая Анастасія, память которой празднуется 22 декабря, изображается покровительницею самыхъ родовъ. Поводомъ къ такому, какъ и предъидущему взгляду послужило то названіе, какое усвояется этой святой. Она называется узо-рѣшительницею. Хотя названіе это усвоено ей по поводу рѣшенія совершенно иныхъ узъ, чѣмъ узы тѣлесные, но какъ эти послѣдніе бываютъ для матерей такъ же тяжки, какъ и всякіе другіе, то онѣ, руководясь несознательнымъ вѣрованіемъ въ покровительство при родахъ особаго рода богинь, и обращаются къ ея покровительству. Что дѣйствительно между означеннымъ взглядомъ и древнимъ вѣрованіемъ есть нѣкоторая отдаленная связь, на то указываютъ слѣдующія слова одного заговора: „На морѣ-на окіянѣ, на островѣ (на Буянѣ) сидитъ въ церкви святая дѣвица Анастасія, держитъ она у себя разныя иглы и шелковою нитью зашиваетъ рану кровавую, а ранѣ болѣть и крови идти заповѣдываетъ" [2]). Что касается упомянутыхъ святыхъ мужескаго пола, то всѣ они являются покровителями уже самыхъ дѣтей. Святый Іуліанъ, память котораго празднуется 18-го октября, изображается вообще покровителемъ безъ отношенія къ какому либо особенному состоянію. Поводомъ къ такому взгляду послужило повѣствованіе о спасеніи одного дитяти, упавшаго въ колодезь [3]). На этомъ основаніи онъ и изображается на нѣкоторыхъ иконахъ съ повитымъ въ рукахъ младенцемъ, а на одной древней иконѣ, хранящейся въ Кіево-братскомъ

---

[1]) Обще-русскій дневн. Петрушевича, стр. 83.

[2]) Чтен. Общ. Истор. и Древ., 1867 (IV, смѣсь, 166).

[3]) Прологъ 18 Октября.

монастырѣ, есть даже слѣдующая очень характеристическая надпись:

«Святый Іустиніанъ (вмѣсто Іуліанъ) молится о дѣтяхъ
О ихъ возрастѣ и о многихъ лѣтахъ» [1]).

Далеко не въ такомъ общемъ видѣ изображается покровительство св. Никиты, память котораго 15 сентября. Онъ есть цѣлитель въ болѣзни и притомъ не всякой, а спеціально той, которая извѣстна въ народѣ подъ именемъ родимца (падучая младенческая болѣзнь). Хотя въ житіи этого святаго и нѣтъ никакого событія, которое могло бы давать поводъ къ такому вѣрованію, тѣмъ не менѣе оно высказывается, какъ видно изъ сказаній о святыхъ, даже въ церковныхъ молитвахъ къ нему [2]). Еще болѣе частными изображаются отношенія св. пророка Наума. Онъ покровитель для всѣхъ начинающихъ ученіе. Въ нѣкоторыхъ прописяхъ и азбуковникахъ XVII столѣтія можно читать слѣдующее молитвенное обращеніе къ св. пророку: „святый пророче Божій Науме, вразуми мя и накажи своею милостію добрѣ руководствію навыкати“ [3]). Тамъ же есть указаніе на то, что всѣ начинавшіе учиться имѣли обычай служить молебны какъ этому святому, такъ еще святымъ безсребренникамъ Косьмѣ и Демьяну и тѣмъ святымъ, имена которыхъ носили учившіеся [4]). Основаніемъ для такого воззрѣнія послужило очевидно имя пророка, напоминавшее о главномъ органѣ образованія — умѣ.

Если такимъ образомъ ни вѣра въ Божество, ни вѣра въ Ангеловъ, ни вѣра въ предстательство Богоматери и святыхъ не была свободна отъ древнихъ представленій о покровительствовавшихъ рожденію божествахъ, то тѣмъ болѣе не могъ быть свободенъ отъ нихъ самый актъ рожденія съ прикосновенными къ нему лицами. Какъ къ представленію о Божествѣ, объ Ангелахъ, о

---

[1]) Церковно-народный мѣсяц. Калинскаго, стр. 40.

[2]) Русскій Арх., 1863, XII; Быть Русск. народа Терещенко. Сказаніе о Свят. Сементовскаго. Привед. у Калинскаго, стр. 82.

[3]) Историч. очеркъ народ. міросозерц. и суев. Щапова, стр. 69. Привед. у Калинскаго стр. 64.

[4]) Чт. Общ. Ист. и Древ. 1861, Кн. VI, стр. 23. Привед. у Калинскаго, стр. 64.

Богоматери, о святыхъ славянинъ примѣшивалъ представленіе о судьбѣ съ подчиненными ей богинями, такъ къ представленію о повивальной бабкѣ, кумѣ и кумѣ онъ примѣшивалъ представленіе о служителяхъ ея. Каждая изъ этихъ трехъ прикосновенныхъ къ родамъ личностей разсматривается имъ какъ представительница ея на землѣ, провозвѣстница ея воли, какъ совершительница ея дѣйствій. Самая первенствующая роль принадлежитъ въ этомъ случаѣ повивальной бабкѣ. Прекрасно выражаетъ эту мысль южнорусская поговорка: „баби сужени, куми люблени“. Изъ нея прямо видно, что бабка есть личность назначенная самой судьбой. Ей одной извѣстны, по воззрѣнію славянина, всѣ тѣ пріемы, какіе должны быть совершены при родахъ, всѣ тѣ средства, какими можно отразить вліяніе враждебной силы, всѣ тѣ способы, какими можно привлечь счастіе. Она одна знаетъ, какъ облегчить роды, какъ уберечь отъ глаза, какъ сдѣлать, чтобы и завязываніе пуповины, и первая ванна и первое пеленанье, словомъ всякое совершенное надъ младенцемъ первое дѣйствіе служило къ его счастію. Она знаетъ даже, какъ ввести человѣка въ рай. Потому-то славянка и смотритъ съ благоговѣніемъ на каждое ея дѣйствіе. Она ѣстъ всё, чѣмъ бы ни кормила та предъ наступленіемъ родовъ; она пьетъ воду ея, какъ воду священную, цѣлительную, она проситъ у ней прощенія въ грѣхахъ, она ходитъ къ ней потомъ съ дарами на поклонъ. Она, какъ показываетъ обычай болгаръ, совершающійся на другой день праздника срѣтенія Господня, даже коронуетъ ее. Такое же почитаніе воздается ей всѣми участниками родильнаго празднества. Они принимаютъ отъ нея кропленіе водой и вѣтки на счастіе, они дарятъ ее, когда та появляется съ главнымъ блюдомъ родильнаго празднества—кашей, они устраиваютъ въ честь ея особый праздникъ, при чемъ торжественно возятъ ее и сажаютъ на первое мѣсто. Все это показываетъ, что въ воззрѣніяхъ сохранившихся на повивальную бабку вполнѣ удержались тѣ воззрѣнія, какія имѣлъ славянинъ на служительницу богини судьбы. Насколько въ лицѣ бабки славянинъ видитъ служительницу богини, распоряжавшейся родами, настолько въ лицѣ

кума и кумы онъ видитъ служителей тѣхъ божествъ, подъ охраной которыхъ совершается, по его воззрѣнію, дальнѣйшая жизнь рожденнаго. Отъ нихъ, отъ ихъ состоянія, зависитъ долговѣчность и недолговѣчность рожденнаго. Они даютъ ему на зубокъ, они совершаютъ первое опоясываніе, они совершаютъ обрѣзаніе волосъ. Потому-то какъ приглашеніе ихъ, такъ и отношеніе къ нимъ на крестинахъ и отличается такими особенностями, какія необъяснимы простымъ обыкновеннымъ вниманіемъ.

Тоже самое нужно сказать и о всѣхъ совершающихся при рожденіи дѣйствіяхъ. Всѣ они носятъ на себѣ ясные слѣды тѣхъ вѣрованій въ судьбу и въ происхожденіе души и тѣла, о которыхъ было сказано. Если дѣйствія судьбы строго подчинены законамъ необходимости, если раздаяніе даровъ ея зависитъ отъ того, насколько соблюдено то, что открыто ею прежде людямъ посвященнымъ, то понятно, какую силу должны были получить при этомъ разныя примѣты и разные обряды, совершаемые бабками. Если далѣе славянинъ вѣрилъ, что душа до момента рожденія находится въ предѣлахъ рая, то вполнѣ понятными становятся всѣ такія дѣйствія, какъ отпираніе дверей, сундуковъ, распоясываніе и открытіе царскихъ дверей въ храмѣ. Они представляютъ собою совершеніе того, что должно быть совершено въ этотъ моментъ богами, и тѣмъ составляютъ побужденіе ихъ къ такому совершенію. Вполнѣ понятными становятся и всѣ тѣ мѣры предосторожности, какія предпринимаетъ славянинъ противъ похищенія душъ нечистой силой и замѣны ихъ другими. Какъ скоро тѣло есть не болѣе какъ временная оболочка души, какъ скоро между нимъ и душою нѣтъ тѣсной и неразрывной связи, то замѣна ихъ могла представляться славянину, при его вѣрованіи во вліяніе демонической силы, вполнѣ возможною. Что касается совершенія самаго празднества, то въ немъ еще менѣе могло произойти измѣненій. Такъ дѣйствительно и видимъ. Всѣ тѣ блюда, какія были обычны при чествованіи Рода тогда, употребительны и теперь. Какъ тогда все вниманіе сосредоточено было на короваѣ и кутьѣ, такъ и теперь они же составляютъ необходимую принадлежность родильнаго празднества. Правда, теперь нѣтъ ни особаго моленья,

ни особыхъ пѣсенъ въ честь боговъ, тѣмъ не менѣе вкушеніе отъ каши и донынѣ сопровождается обрядами, явно имѣющими религіозный характеръ. Тоже самое нужно сказать и о постриженіи волосъ. Оно сохраняется отчасти въ обычаѣ, чтобы отрѣзанные при крещеніи волосы принимаемы были воспріемникомъ, а главнымъ образомъ въ исполненіи этого обряда независимо отъ церковнаго постриженія.

Принимая на себя посильный трудъ изложенія обычаевъ, совершающихся при рожденіи человѣка, и уясненія ихъ связи съ древними религіозными вѣрованіями, мы предпринимали таковый не безъ цѣли. Мы намѣрены были указать, какъ во многомъ еще жизнь нашего народа стоитъ подъ вліяніемъ язычества, и какое широкое поле дѣятельности открываетъ она въ этомъ случаѣ для нашихъ пастырей церкви. Если анализъ даже одного только акта жизни показалъ намъ, что при взглядѣ на него славянину недостаетъ ни понятія о промыслѣ Божіемъ, ни понятія объ Ангелахъ, ни понятія о Богоматери и святыхъ, то тѣмъ болѣе печальную картину должны представить собою всѣ акты жизни, взятые вмѣстѣ. Между тѣмъ слово сельскихъ пастырей рѣдко направлено бываетъ на эту именно сторону. Въ этомъ случаѣ проповѣдь наша стоитъ несравненно ниже проповѣди нашихъ предковъ. Разсматривая дошедшія до насъ поученія, мы видимъ, что большая часть изъ нихъ всегда направляема была на очищеніе христіанскихъ вѣрованій отъ грубыхъ языческихъ суевѣрій. Вотъ о чемъ говорятъ напримѣръ пять поученій, дошедшихъ до насъ въ одной рукописи конца XVI и начала XVII вѣка: „1) повѣсть глаголетъ отъ избранныхъ словъ о праведномъ солнце і не внимающихъ божіихъ заповѣдей, иже людие другъ друга зовуще солнцемъ праведнымъ, льстящи себе; 2) поучение сказуетъ о златицахъ и сребренницахъ, иже бываютъ у святыхъ иконъ въ прикладъ; 3) Отъ избраннѣхъ словъ о крестномъ знаменіи; 4) Слово учительно наказуетъ о вѣровавшихъ въ стрѣчю и въ чехъ; 5) Поучение къ вѣрующимъ отъ прелестнаго разума въ рожение мѣсяца, и въ наполнение и въ встохъ и въ преходныя звѣзды

и во злые дни и часы". Такой же характеръ должна носить и современная проповѣдь. Будучи произносима въ городахъ, гдѣ преобладаетъ интеллигентное населеніе, она должна быть направляема попреимуществу противъ философскаго язычества, а будучи произносима въ селахъ, гдѣ живы еще языческія вѣрованія и обряды, она должна быть направляема къ установленію правильныхъ взглядовъ: на Божество, на святыхъ ангеловъ, на Пречистую Богоматерь и святыхъ Божіихъ.

Профессоръ богословія въ Новороссійскомъ университетѣ, священникъ
А. Н. Кудрявцевъ.

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ДУХОВНАЯ АКАДЕМИЯ

Санкт-Петербургская православная духовная академия Русской Православной Церкви – высшее учебное заведение, целью которого является подготовка священнослужителей, преподавателей духовных учебных заведений и специалистов в области богословских и церковных наук. Академия состоит из следующих подразделений: академия, семинария, подготовительное отделение семинарии, регентское отделение, иконописное отделение и факультет иностранных студентов.

Проект по созданию электронного архива журнала «Христианское чтение»

Проект осуществляется в рамках процесса компьютеризации Санкт-Петербургской православной духовной академии. В подготовке электронных вариантов номеров журнала принимают участие студенты академии и семинарии. Руководитель проекта – ректор академии епископ Гатчинский **Амвросий** (Ермаков). Куратор проекта – проректор по научно-богословской работе протоиерей Димитрий Юревич. Материалы журнала подготавливаются в формате pdf, распространяются на компакт-диске и размещаются на сайте академии.

На сайте академии

www.spbda.ru

- события в жизни академии
- сведения о структуре и подразделениях академии
- информация об учебном процессе и научной работе
- библиотека электронных книг для свободной загрузки